

В. ПИРОЖКОВА

Тоталитарная диктатура

Всякий тоталитарный режим является диктатурой, но не всякая диктатура тоталитарна.

Какую же диктатуру следует назвать тоталитарной? Тоталитарная диктатура возникает тогда, когда у власти есть идеология, претендующая на объяснение всех разнообразных явлений жизни и на то, что у нее есть безошибочный рецепт правильного построения общества.

Такие тотальные идеологии начали возникать в конце 19-го и в 20-м столетии после того, как в течение нового времени религиозные взгляды и чувства постепенно перестали определять жизнь общества. Центр религии лежит в абсолютном, но поскольку всякая религия включает в себя этику и известные нормы жизни, она неизбежно несет в себе также социальное и организующее начало.

После того, как в Европе, а теперь постепенно и во всем мире, религия начала утрачивать свое общеобязательное организующее и социальное значение и становится все в большей мере делом отдельных людей, начались поиски иных начал, могущих организовать общество. В новое время организующую функцию все в большей степени начало перенимать централизованное государство, перед которым встала задача упорядочивать жизнь своих граждан. Но государство может выполнять эту функцию различным путем.

Объяснение же мира пытались дать разные философские школы, причем ни одна из этих философий не была государственной философией, обязательной для всех граждан. В 18 и 19 вв. Западная Европа пережила расцвет разных философских школ, соревновавшихся друг с другом в объяснении мира, но не пытавшихся утвердить свое господство над всеми гражданами того или другого государства. Философия была свободна. Но с другой стороны она оставалась абстрактной теорией, не претендовавшей на то, чтобы перестроить мир и общество на основе своих постулатов. Попытками преобразования общества занимались скорее различные социальные и политические учения, которые хотя и заимствовали различные элементы от той или другой философии, но не опирались на цельное мировоззрение, которое имело бы претензию объяснить все феномены мира и человеческого общества. Конечно, ни одна, даже самая абстрактная философия, не остается без известного влияния на жизнь, но жизнью обычно воспринимаются только отдельные элементы того или другого учения. Они оказывают влияние на разные области в различной степени и уживаются рядом с традициями и установившимися взглядами, перешедшими из прежних веков. Так идет постепенная эволюция и изменение общества без сильных потрясений. Однако, при этом может случиться, что мышление, философия, мировоззрение останутся слишком долго в абстрактной, оторванной от жизни сфере. Между жизнью и мышлением не будет достаточно соприкосновения и взаимного обмена опытом. Такое положение создалось в Европе в 19 столетии. Отдельные области мышления и жизни были слишком оторваны друг от друга.

Этот распад прежнего целостного органического религиозного мировоззрения на отдельные автономные области в мышлении и жизни мог быть только переходной ступенью до тех пор, пока общество жило, хотя уже и не осознанно, традиционными ценностями. По мере ослабления традиций и налагаемых ими связей внутри общества, открывались, как кажется, в основном два пути дальнейшего развития общества: путь так называемого плюралистического или открытого общества и путь общества тоталитарного.

Плюралистическое общество создалось путем сознательного принятия и толерирования внутри этого общества различных мировоззрений и взглядов на жизнь. Конечно, это общество должно иметь известный минимум единства, иначе оно атомизируется и распадается. Основой единства плюралистического общества является взаимное согласие его членов на ряд основных правил совместной жизни, на признании свободы за каждым его членом или группой членов иметь свое мировоззрение и распространять это мировоззрение мирными средствами, с одновременным отказом представителей всех взглядов и мировоззрений от попытки насильно навязать свое мировоззрение другим. Таким образом, плюралистическое общество имеет тоже свое, ему присущее единство, но единство это лежит в многообразии. Это общество открыто, подвижно и в то же время весьма стабильно, во многих отношениях гораздо стабильнее, чем общество тоталитарное. Стабильность его может быть потрясена только тогда, когда внутри него возникнет достаточно большая группа людей с тем или иным мировоззрением, решившаяся отказаться от принципа неприменения насилия над инакомыслящими. Плюралистическому обществу трудно бороться с такой группой, так как ему самому приходится тогда отвечать насилием на насилие, предавая тем самым свои собственные принципы. Стабильность плюралистического общества базируется как раз на толерантности и минимуме принуждения по отношению к его гражданам. Согласие членов этого общества на отказ от попытки насильственного проведения в жизнь того или иного мировоззрения основывается с одной стороны на уважении к личности и убеждению другого, с другой же стороны на известной доле скепсиса к своему собственному убеждению и к тому, какие результаты дало бы его полное проведение в жизнь. Этот скепсис порождается сознанием ограниченности человека, невозможности для него охватить все стороны жизни одновременно. Тоталитарное общество или тоталитарный режим характеризуется признаками противоположными плюралистическому обществу. Тоталитарный режим возникает тогда, когда к власти приходит группа людей, обладающих цельным мировоззрением, уверенных в его абсолютной истинности и исполненных решимости провести это мировоззрение полностью в жизнь. Как сказал Маркс: философы достаточно объяснили мир, теперь пора его изменить. Тоталитарное воззрение 19-го и 20-го века старается обосновать истинность своей идеологии наукой. Его сторонники объ-

являют свое мировоззрение научно доказанным, хотя это, конечно, ни в какой мере не соответствует действительности. На самом деле сами сторонники такой идеологии относятся к ней со слепой верой и требуют такой же веры от других людей. Обоснование, как уже указано, мнимая научная доказанность идеологии: кто же станет спорить против науки? Но если данная идеология является единственной научной и тем самым единственно правильной, то откуда вытекает, что только общество, построенное на основе этой идеологии может быть правильно организовано. Тем самым все решения, предлагаемые в той или другой жизненной области людьми, не разделяющими этого мировоззрения, отменяются не только как неправильные, но и как вредные, способные помешать правильному построению жизни. В тоталитарном режиме отсутствует та доля здорового скепсиса по отношению к своим собственным возможностям в вопросе познания и практики, которая делает взаимные отношения в обществе более человечными. Представители такой идеологии абсолютно уверены в своей правоте, в том, что они научно доказали истину, а потому они сугубо нетерпимы ко всем инакомыслящим. Современные тотальные идеологии рационалистичны и в большей или меньшей степени механистичны. Они все хотят организовать рационально, наподобие механизма. Даже биологистическое воззрение национал-социализма было проникнуто элементами механистичности. Эти идеологии пытаются охватить всю жизнь, всего человека и все общество и организовать его согласно абстрактным принципам своего теоретически сконструированного мировоззрения. Характерной чертой тоталитарного режима является его неорганичность, его недоверие к живой, свободно растущей и укладывающейся в свои собственные рамки жизни. Этот режим хочет загнать жизнь в заранее искусственно подготовленные рамки, организовать ее из центра. Но если вся жизнь должна быть организована и подогнана под определенную теорию, а эта теория якобы основывается на научно доказанных принципах, то, конечно, нельзя отдать организацию в руки «профанов». Управлять, приказывать, организовывать может только небольшая группа так сказать посвященных, изучивших идеологию, а лучше всего

передать это в руки одного великого мастера. Диктатура при тоталитарной идеологии неизбежна.

Тоталитарная власть — это тоже попытка восстановить распавшееся единство, но не единство в многообразии и не органическое единство, а единство униформирования и искусственной подгонки под один угол зрения. Тоталитарная идеология пытается объяснить весь мир из одного единственного принципа, принимает тем самым часть за целое и старается загнать жизнь в это прокрустово ложе, отсекая все те явления и стороны жизни, которые не подходят под этот один принцип.

В противоположность плюралистическому тоталитарное общество нетолерантно и замкнуто. Оно не переносит ни малейшей примеси «чуждого элемента», то есть иначе думающих людей. Как это ни парадоксально звучит, но оно по самому своему существу не стабильно. Его кажущаяся стабильность, а иногда и относительная долговременность основываются исключительно на внешнем принуждении и насилии. Без террора оно не просуществовало бы и короткого времени. Опыт показал, что малейшее послабление насилия сейчас же ведет к быстрому распаду искусственного единства и к штурвалу самого тоталитарного режима. В этом как раз и заключается его внутренняя нестабильность и историческая обреченность. Всякая диктатура нестабильна еще и по другим причинам, но тоталитарная диктатура, запрещая свободную политическую деятельность, может относиться более или менее толерантно к разным философиям, так как она сама не имеет своей цельной идеологии. Философия, не выходящая за пределы абстрактного мышления еще не подрывает ее существования. Специфика же тоталитарных режимов заключается в том, что другие философии и мировоззрения подрывают их основы даже и тогда, когда они не переходят в политическую акцию. Тоталитарная диктатура требует униформирования не только действий, но и мыслей. Поэтому тоталитарная диктатура так особенно непереносима.

В истории нового времени и в настоящее время нам известны пока две вполне тоталитарных диктатуры: коммунизм и национал-социализм. Фашизм в Италии можно назвать полутоталитарной диктатурой.

С. Л. ФРАНК

Человек и Бог*)

Отрывку, выбранному им самим из его произведений, С. Л. Франк предпослал следующую самохарактеристику:

«Семен Людвигович Франк родился в Москве, сын врача. Окончил московский университет по юридическому факультету; в юности был экономистом, членом круга «марксистов», но в первом же своем труде «Теория ценности Маркса» (1900) выступил с критикой теории Маркса. Был участником сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909). С 1912 по 1917 гг. — доцент философии Петербургского университета, с 1917 по 1921 г. — профессор философии саратовского и в 1921–22 гг. — московского университета. В 1922 г. был выслан советской властью из России и поселился в Берлине, где в 1930–33 гг. был доцентом университета по истории русской мысли. В 1937 г. переселился во Францию, в 1945 г. — в Англию».

«Мое философское мировоззрение — писал далее С. Л. Франк — основано на сочетании идеалреализма или (как я

предпочитаю это называть) «абсолютного реализма» с учением (сродным «отрицательному богословию») о сверхрациональности метафизического знания, в силу чего оно основано на принципе антиномистического совмещения противоположностей. Наибольшее влияние на меня имел платонизм, в частности Плотин и Николай Кузанский. В религиозно-философском смысле я стою на позиции панэнтеизма. Мои религиозно-общественные воззрения я определяю, как «христианский реализм». В нем признание божественной основы и потому положительной религиозной ценности всего конкретно существующего сочетается с усмотрением рокового несовершенства его эмпирического состояния и потому ограниченности возможностей его чисто человеческого совершенствования».



Двуединое существо человека и идея Богочеловечности

Что такое человек? Этот вопрос не менее существен для всего нашего непонимания, чем вопрос о смысле идеи Бога и о существовании Бога...

Человек принадлежит одновременно к двум мирам и есть как бы место их встречи и скрещения. Человек есть,

*) Из книги: С. Л. Франк. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология. Посмертная редакция В. С. Франка. Inter-Language Literary Associates, New-York 1965, 299 стр.

с одной стороны, «природное» существо, именно одна из разновидностей животного органического мира. Через свое тело и через душевную жизнь, поскольку она определена телесными процессами и вообще подчинена естественной закономерности, человек входит в состав природы или мира — говоря в более общей форме, — в состав... «объективной действительности». С другой стороны, через свое самобытие, поскольку оно есть реальность для себя сущая и себе самой открывающаяся, человек входит в состав совсем иного мира — мира реальности — и своими корнями как бы уходит в его глубины. Как бы человек по своей духовной слепоте ни был склонен отвергать или не замечать эту двойственность и видеть и понимать себя только с той наружной своей стороны, с которой он есть ничтожная частица объективной действительности, — как бы распространены ни были соответствующие философские теории, — непредвзятый феноменологический анализ с неопровержимой убедительностью показывает, что человек имеет нормальную полноту своего бытия лишь через свое нераздельное соучастие в этих разнородных мирах. В этом и состоит основное решающее отличие человека от животного. Ибо животное и есть ни что иное, как «естественное» существо, т. е. существо, ведающее только «этот» мир, всецело к нему принадлежащее, — тогда как человек, также входя в состав «этого» мира и в нем соучаствуя, одновременно возвышается над ним, имея в себе иную, сверхмирную инстанцию, в которой он дистанцируется от этого мира. Вот почему натуралистическое учение о человеке оказывается бессильным объяснить даже такие элементарные и основоположные стороны человеческого бытия, как познание, нравственную жизнь и творческую активность. Явление умышленного, осознанного познания, даже в самой примитивной, элементарной, определенной утилитарными мотивами своей форме, предполагает отношение между «субъектом» и «объектом», — отношение, которое само уже сверхприродно: оно возвышается над сферой объективной действительности, — не может быть понято, как «явление природы» — уже потому, что само впервые конституирует идею «объективной действительности». Эта идея, как и соотносительная ей идея субъекта, уже предполагает момент трансцендирования, доступный только через наше причастие всеобъемлющей реальности. И обычное понимание человека, как «мыслящего» существа, по существу уже содержит признание, что в акте «мысли» человек трансцендирует сферу эмпирически данного. И точно так же понятия добра и зла, должного и не должного категориально противостоят всему, что только фактически есть, т. е. проистекают из нашего причастия сфере, выходящей за пределы объективной действительности и ей инородной. И, наконец, любой творческий замысел — стремление осуществить нечто новое, еще несуществующее — также предполагает, что наше «я», наш дух не ограничен и не скован пределами объективной действительности и содержит в себе инородную ей инстанцию, из которой рождается творческий замысел — некий подземный слой, из которого пробивается ключ творческой активности. Так во всем сознательном акте своей жизни человек противопоставляет всему, что только эмпирически дано, нечто иное, выходящее за его пределы, обличая тем основоположную двойственность своего бытия.

Но этим различием между человеком, как эмпирически данной частью объективной действительности, и человеком, как самосушей внутренней реальностью, еще отнюдь не исчерпана двойственность, присущая человеческому существу. Дело в том, что сама *реальность*, в той форме, в которой она непосредственно присуща человеку, сознается им, как нечто само по себе недостаточное, неудовлетворяющее его — другими словами, как нечто *несоответствующее его подлинному существу*. Реальность, которую человек сознает внутри самого себя, есть, во-первых, нечто неполное, частичное, лишь потенциально бесконечное, т. е. доступное расширению, — и, во-вторых — и это самое главное — нечто стихийное, хаотическое, *безосновное* (в чем и состоит «субъективность» внутренней жизни). Чело-

век испытывает нужду в безусловно прочной самоутвержденной основе для своего существования, и эта основа и есть то, что мы называем «Богом». Но эта нужда — или это сознание своей собственной недостаточности — тоже принадлежит к *самому существу человека*.

Ближайшим образом, наиболее адекватный ответ на вековечный вопрос, «что такое есть человек?», заключается в усмотрении той *differentia specifica*, в силу которой человек есть существо *судящее и оценивающее*. В этом, и в одном этом, состоит его принципиальное отличие от животного и вообще от всего сущего просто как оно фактически есть. Человек есть существо, обладающее способностью дистанцироваться от всего, что фактически есть — в том числе и от действительности себя самого — смотреть на все фактически сущее извне и определять его отношение к чему-то иному, более для него убедительному, авторитетному, первичному. Существо человека состоит в том, что во всякий момент своего сознательного бытия он *трансцендирует* за пределы всего фактически данного, включая и свое собственное бытие в его фактической данности. Вне этого трансцендирования немислим акт *самосознания*, образующий всю тайну человека, как личности. В акте самосознания человек сам смотрит на себя, судит и оценивает себя — имеет себя в двойном состоянии познающего и познаваемого, оценщика и оцениваемого, судьи и судимого.*)

Только из этой иной сферы, возвышающейся над всем фактически данным, человек может почерпнуть и руководство, и силы для своей активности в составе «этого» мира; и, вместе с тем, независимо от этого прикладного своего значения, эта сверхмирная инстанция есть как бы постоянная прочная база, в которую человек может всегда отступить, чтобы найти себе приют и подлинно осуществить себя. И жизнь человека есть борьба и взаимодействие, постоянно нарушаемое и восстанавливаемое равновесие между этими двумя сферами его бытия — фактической и идеальной сверхмирной, — их нераздельное и неслиянное двуединство. Где это равновесие окончательно нарушено, и двуединство перестает быть основой человеческой жизни, там либо наступает умирание и омертвление человека, как личности, либо совершается жуткий и таинственный акт самоубийства — акт доступный только человеку; в нем внутренняя реальность человека, оторвавшись от своей естественной первоосновы, становится смертельным врагом самой себя и уничтожает само эмпирическое существование человека.

Эта последняя основа, трансцендентное средоточие и верховная инстанция человеческого бытия... — Бог. Поэтому мы вправе сказать, что отношение к Богу, связь с Богом есть определяющий признак самого существа человека. То, что делает человека человеком — начало *человечности* в человеке — есть его Бого-человечность...

Бог есть, как мы видели, ближайшим образом то, в чем человек нуждается — начало, недостающее человеку; т. е. трансцендентное ему; и вне этого сознания трансцендентности немислима сама идея Бога. С другой стороны, однако, Бог, относясь к сфере реальности, разделяет всю ее сверхрациональность. Он есть, следовательно, всегда и «иное и большее, чем Он сам»; или — что то же самое — Его собственное существо и Его отношение ко всему иному образуют в Нем нераздельное единство; и всякое отвлеченное различие этих двух моментов остается неадекватным их подлинному, сверхрациональному существу. Это можно выразить и так, что Бог, будучи первоисточником и центром реальности, одновременно пронизывает всю реальность, как бы излучаясь по ее всеобъемлющей полноте. А так как к сфере реальности принадлежит и чело-

*) Ср. различие между «интеллигибельным» и «эмпирическим» «я» у Канта. Но даже такой натуралистически настроенный мыслитель, как Фрейд, в качестве тонкого и добросовестного психолога, вынужден признать в человеке особую инстанцию „Überich“ («сверх-я»).

век, то Бог в этом аспекте своего бытия пронизывает и человека, излучается в него, присутствует в нем, и следовательно, одновременно имманентен ему. Поэтому, поскольку человек есть реальность, Бог или, точнее, начало божественности, конституирует само существо человека. Трансцендентность Бога человеку не только просто совмещается с Его имманентностью, но и образует с ней некое неразделимое сверхрациональное единство. Это обнаруживается при всякой попытке рационально уяснить соотношение между трансцендентностью и имманентностью Бога человеку...

Бог... воспринимается как начало, глубоко и исконно сродное мне в том, что составляет своеобразие, несказанную сущность моего «я». Так как я воспринимаю эту последнюю глубину реальности, только трансцендируя, выходя за пределы меня самого, то Бог является мне, как «другая личность», чем я — как «Ты», с которым я «встречаюсь», и к которому я стою в специфическом отношении «общения» и в отношении «я — ты». В этом состоит существо чисто религиозной установки, как таковой. Но мы тотчас же замечаем, что это сходство со всяким другим «ты» — с «ты» в обычном его смысле — совмещается с существенным, решающим различием. С обычным, человеческим «ты» я встречаюсь как бы случайно, извне, как с внешним для меня носителем реальности, на которого я наталкиваюсь в составе внешней мне объективной действительности... Напротив, с Богом, как неким «ты» для меня, я встречаюсь только в уединенных, отрешенных от внешнего мира, внутренних глубинах моего «я» — в том последнем, по существу одиоком слое моего «я», в котором я невидим и недоступен никому, кроме меня самого — и именно Бога (как это настойчиво и совершенно справедливо подчеркивал Киркегард). С Богом я встречаюсь в том предельном одиночестве, в котором я встречаюсь со смертью. Но это значит, что моя встреча есть не то, что обычно разумеется под встречей: она есть обнаружение моей исконной, неразрывной связи с Ним. Бог открывается мне внутри, в последней глубине моего уединенного «я» — или я открываюсь Ему там, в этой последней глубине. Общение с Богом есть совсем иной выход из обособленности, замкнутости моего я, чем отношение к другим людям, к человеческим «ты». Бог есть, следовательно, для меня такое «ты», которое не переставая быть «ты», т. е., другим, дополняющим меня существом, вместе с тем живет в глубинах моего «я». Чтобы встретиться с ним, мне не нужно как бы уходить от себя самого, выходить наружу из интимного дома моей души, как это в известной мере нужно для всякой встречи с людьми; мне нужно, напротив, удалиться в самую потаенную комнату этого дома. (Не удивительно поэтому, что для ослепленного обычного сознания, руководимого только рациональными понятиями объективной действительности — в частности, представлением о замкнутости души в направлении во внутрь, — встреча с Богом или Богообщение представляется просто субъективной иллюзией или душевной ненормальностью «раздвоения личности»). Бог есть такое «ты», которое есть как бы глубочайшая основа моего собственного «я». Привычные нам слова «вне» и «внутри» теряют здесь обычный смысл, в котором они несомнестимы в применении к одному отношению: Бог не только одновременно и «вне» и «внутри» меня именно в качестве внешней, трансцендентной мне инстанции; я сознаю Его внутренней основой моего бытия, именно в Его качестве существа ИНОГО, ЧЕМ Я САМ.

Та же самая диалектика сверхрационального отношения, с другой стороны, присуща Богу, как абсолютной ценности или добру, как абсолютно правомочной, первичной основе реальности, вольное подчинение которой спасает меня от «субъективности» и безосновности моего собственного бытия. В этом качестве Бог, ближайшим образом, т. е., поскольку мы рационально осмысливаем этот признак, вообще уже не есть «ты», не есть существо, подобное мне, а, наоборот, есть нечто прямо мне противоположное — подобно тому, как почва, на которую я опираюсь, или воздух, которым я дышу, должны быть чем-то

совсем иным, чем само мое существо, в них нуждающееся. И все же сама инородность здесь одновременно совсем иная, чем инородность в обычном смысле. Ибо остается в силе установленное выше положение, что подлинно осмысляющим основанием моего бытия может быть только нечто интимно-сродное мне, как личности. И это нельзя понимать в обычном рациональном смысле, в котором инородность в одном отношении совмещается с сродством в другом. Нет, именно то, что отличает Бога от меня — Его первичная самообоснованность, Его характер, как самого Добра, самой верховной ценности, самого осмысляющего основания бытия, — словом, Его характер, как абсолютной, насквозь прозрачной духовной объективности в отличие от безосновной субъективности моего я — воспринимается в опыте сердца, как необходимое мне именно потому, что это соответствует и отвечает последней глубине моего я, как личности. В этом смысле Бог есть сверхличность, абсолютный носитель того, что положительно в личном начале бытия, и вместе с тем чуждый всего, что конституирует «субъективность» личности, как некое дефективное бытие. Бог есть — непредставимое в творении — единство личности с абсолютной объективностью — само Добро, сама Истина в личном облике. Давнишний, неразрешимый в своей логически-заостренной форме вопрос: подчинен ли Бог добру, или добро Богу, — есть ли добро все вообще, что (произвольно) велит Бог, или, наоборот, Бог велит и может велеть только то, что уже в самом себе есть добро — этот спор разрешается в живом религиозном и метафизическом опыте сознанием, что Бог изначально и есть Добро, или что Добро здесь является нам не как абстрактное понятие и самоовлеющая, общая норма, а как совпадающее с самим живым Богом. В этом и состоит само существо религиозного сознания в его отличии от сознания, руководимого только абстрактным понятием «должного». Это сверхрациональное отношение между мной в моей субъективности и духовной объективности Бога, сознаваемой все же в некоей живой личной форме, имеет свою единственную аналогию в отношении подлинной эротической любви — в частности женской формы эротической любви, в которой недостающая любящей душе объективность, сила, прочность, авторитетность воплощена в мужском начале, выражена в живом личном образе возлюбленного. В этом — глубокая внутренняя правда исконного символического уподобления отношения человеческой души к Богу отношению любящего женского сердца к возлюбленному, к жениху или мужу. Подобно женщине, верующий впервые обретает самого себя в своей подлинной полноте и глубине через покорную вольную самоотдачу себя высшему, инородному ему началу. Человек в его обычном, эмпирическом существе, как «просто и только человек», есть нечто меньшее, менее значительное и ценное, чем то, что он истинно есть, как самосознающая внутренняя реальность. И можно парадоксальным образом сказать: он есть человек — в отличие от животного — именно лишь поскольку он сознает или, по крайней мере, смутно чувствует это несоответствие «только человеческой» своей природы своему истинному существу. Но это и значит, что Бог, трансцендентный мне не только в том смысле, что Он вне меня, но и в том, что Он инороден мне, принадлежа к иной сфере реальности, именно в этой Своей трансцендентности глубоко и интимно имманентен и сроден мне. Ибо то, что недостает мне самому, и что я обретаю только в Нем, есть в потенциальной форме глубочайшее и самое интимное существо моего собственного я; и здесь также я могу искать — и могу находить последнее удовлетворение в исскомом — только потому, что я потенциально изначально обладаю тем, что я ищу, более того — сам есмь искомое. Как говорит Плотин: как мы не могли бы видеть солнца, если бы наш глаз не был подобен ему, так мы не могли бы искать и воспринимать Бога, если бы не были богopodobны.

Так в обоих признаках, конституирующих для нас идею Бога, Бог есть, с одной стороны, внешняя для нас, трансцендентная инстанция, которую мы противопоставляем нашему «я», и к которой мы сами стоим в отношении од-

ной реальности к другой — и численно, и качественно «иной», — и вместе с тем само это отношение входит в состав внутреннего существа нашего собственного бытия, имманентно нам, так что, говоря о нашем «я» в его отличии от Бога, мы разумеем под ним реальность, немыслимую вне этого отношения и внутри себя самой носящую отпечаток или признак того, к чему она стоит в отношении...

Творческая природа человека

Двуединство человека обнаруживается с совсем иной стороны и в ином аспекте в присущем человеку моменте творчества.

Традиционное религиозное учение (в котором совершенно солидарны два таких типичных и в других отношениях несходных его представителя, как Августин и Фома Аквинский) утверждает, что понятие «творца» применимо только к Богу, и что ничто сотворенное, в том числе и человек, не может само творить. Само собой разумеется, что в том специфическом смысле, в котором Бог называется Творцом, и сотворение мира мыслится, как чудесный акт появления мира «из ничего» по воле Бога, «творчество» есть явление абсолютно единственное, не могущее совершаться в пределах уже существующего мира. Самый факт, что человеческий дух имеет эту идею Бога-творца, есть свидетельство, что момент творчества в каком-то смысле доступен ему самому — иначе само это слово было бы для него лишено смысла.

Фактически, вне всяких теорий, человеческая жизнь с полной бесспорностью обнаруживает этот момент творчества. Наряду с деятельностью чисто рационально-умственной, в которой человек целесообразно, т. е. в связи с преследуемой им целью, комбинирует уже готовые элементы окружающего его мира, он имеет еще иную активность, в которой из его души и с помощью его усилий рождается нечто *новое*, доселе небывалое. В области художественной, познавательной, нравственной, политической человек в этом смысле обладает способностью к творчеству, есть творец. Даже в сфере чисто рациональной деятельности только подбор и группировка материала и средств есть комбинирование уже готовых, заранее данных элементов; только когда и сама цель деятельности автоматически-принудительно продиктована человеку неустранимо-данными потребностями его природного существа, можно отчетливо отличить такую чисто рациональную деятельность от творчества. Когда же эта цель есть нечто совершенно новое, небывалое — некий идеал, рождающийся из глубин человеческой души — мы имеем дело с элементом творчества в составе даже чисто рациональной деятельности.

Наиболее типичный образец творчества есть творчество художественное; и в этом смысле можно сказать, что всякое творчество носит в себе отпечаток «искусства», т. е. художественного творчества. Как определить его сущность?

Искусство есть всегда *выражение*... Слово «выражение» есть одно из самых загадочных слов человеческого языка, которое мы употребляем, обычно не вдумываясь в его смысл. Буквальный его смысл обозначает и «отпечаток», и процесс «отпечатывания» чего-то в другом, внешнем ему объекте или материале, — нечто аналогичное процессу накладывания печати на что-либо так, что на нем сохраняется, «отпечатлевается» ее форма. По аналогии с этим мы говорим о «выражении», когда что-то, незримое, потаенное становится зримым и явным, отпечатлеваясь в чем-то ином. Что-то незримое, духовное таится в душе человека; он имеет потребность сделать его зримым, явственным; он достигает этого, пользуясь словами, звуками, комбинациями красок, линий, образов, — нако-

нец (в мимике и танце) движениями своего тела. Поскольку он стремится к этому и этого достигает, он — художник. Искусство, будучи «выражением», есть *воплощение*; в нем что-то духовное облекается плотью, как бы внедряется в материальное и является в нем, как его «форма». В этом и состоит существо творчества.

Но что именно хочет человек «выразить»? Самый простой — и потому весьма распространенный — ответ здесь был бы: себя самого. В известном смысле это совершенно верно и понятно само собой: так как внутреннее существо человека есть дух, то, выражая что-либо духовное, человек тем самым непроизвольно выражает самого себя. С другой стороны, однако, человек, в качестве «я» — и в смысле бессодержательного общего носителя сознания и жизни (чистого я), и в смысле безусловно-своеобразного единственного, неповторимого начала (*моего «я»*) — по существу непосредственно *невыразим*, ибо есть неотчуждаемая, недоступная экстерииоризации, вынесению вовне, глубинная точка бытия. Только косвенно, через посредство того, что он *имеет*, человек может дать воспринять, что он *есть*. И художник (как и всякий творец), «творя», т. е. выражая, меньше всего думает о себе самом: он хочет выразить некое сокровище, духовное «нечто» в его душе. Даже чистый лирик выражает не просто свои душевные переживания в их чистой субъективности, а нечто в известном смысле объективное, общечеловеческое, что с ним связано или в них содержится. Что такое есть это «нечто»? Вопрос этот не допускает ответа по существу, т. е. определения содержания этого «нечто» — по очень простой причине: ибо поведать о том, что есть это «нечто», и *значит выразить* его — сделать именно то, что делает художник, но как бы в иной форме; но так как выражение должно быть адекватно выражаемому, то оно может иметь лишь одну единственную форму — ту самую, которую находит творец-художник.^{*)} Но можно сказать, откуда берется это «нечто», к какому роду бытия оно принадлежит, в какой категориальной форме оно присутствует в душе творца.

Это «нечто», не будучи уже готовым, оформленным бытием, очевидно не принадлежит к составу объективной действительности. Оно отмечено чертами, присущими реальности в ее отличии от объективной действительности — и притом реальности с той ее стороны, с которой, как мы видели, она есть *сущая потенциальность* — бытие в форме назревания, самотворчества. В процессе художественного творчества творимое, как известно, берется из «вдохновения», не делается умышленно, а «рождается»; какой-то сверхчеловеческий голос подсказывает его художнику, какая-то сила (а не его собственный умysel) вынуждает художника лелеять его в себе, оформлять и выразить его. Но это нечто готово, *есть* в оформленном виде лишь в момент, когда художник употребил необходимое усилие, чтобы выразить его. В этом и заключается то, что называется творчеством. Творчество есть такая активность, в которой собственное усилие художника, его собственное «делание» неразделимо слито с непроизвольным нарастанием в нем некоего «дара свыше» и только отвлечено может быть отделено от него.

Творец творит, конечно, сам — простой пересказ чужого не есть творчество. Но этот творящий «сам» есть не просто индивидуальный человек в его субъективности, и не безлично-общий носитель сознания; он есть индивидуально-человеческое выражение действующего в нем сверхчеловеческого духа. Степень участия индивидуально-человеческого и сверхчеловеческого, или степень ак-

^{*)} Вот почему всякая попытка выразить или рассказать «идею» какого-либо художественного произведения бесплодна, ибо противоречива. Как ответил однажды Лев Толстой на вопрос об идее «Анны Карениной»: «Выразить идею этого романа я мог бы только одним способом — снова написав его».

тивно-умышленного и пассивно-непроизвольного момента в творчестве может быть различной. Иногда гений творит почти просто как безвольный медиум действующей в нем высшей силы; в других случаях художник употребляет долгие, мучительные усилия, делает многократные пробы, чтобы выразить (или что то же — подлинно, адекватно воспринять) то, что ему дано свыше. Но, так или иначе, собственное усилие или делание и простое внимание к голосу, говорящему в нем, слиты здесь в неразличимое единство. Но это и значит, что творчество предполагает двуединство человеческого существа, — его самостоятельность, свободу, умышленность, — и его укорененность в чем-то трансцендентном, в превышающей его духовной реальности и зависимости от нее.

Есть ли это двуединство та самая богочеловечность человека, которую мы пытались уяснить выше? Художественное и вообще творческое «вдохновение» есть, конечно, нечто иное, чем «благодать» — то присутствие и действие самого Бога в человеке, которое образует существо религиозно-мистического опыта. Художники, мыслители, нравственные и политические гении-творцы могут совсем не иметь религиозного опыта в точном смысле слова. Процесс творчества отличается от состояния молитвенного созерцания, предстояния души Богу или восприятия Бога. Сами художники говорят не о действии Бога, а в неопределенной форме о вдохновляющей их высшей духовной силе — о «музе» или «демоне» (в античном смысле — духа, сверхчеловеческого, божественного существа). Художник (и вообще творец) не ищет и не созерцает Бога, не стремится умышленно к просветлению своей души, к ее сближению с Богом; его задача — иная, именно само творчество — создание новых форм бытия, новых воплощений идеальных начал, таящихся в его душе.

По существу, однако, всякая реальность, всякая духовная сила (поскольку она действует через центр человеческой личности и потому переливается в творческую человеческую свободу) исходит из того средоточия и первоисточника реальности, которую мы называем Богом. Осмысляя человеческое творчество, так сказать, извне, т. е. уясняя его метафизический смысл, можно сказать, что в состоянии творческого вдохновения человек испытывает действие Бога только с одной его стороны — именно как творческое начало и, тем самым, как источник его собственного, человеческого творчества, тогда как остальные «атрибуты» Бога, открывающиеся в религиозном опыте, остаются вне поля его зрения. Но то, что особенно характерно для опыта творческого вдохновения, это — своеобразное отношение в нем между человеком и творческой силой Бога. В чисто религиозном сознании человек сознает себя прежде всего в своем отличии от Бога — как «тварь» в отличии от «Творца», или как нравственную личность, подчиненную верховной власти Бога; в мистическом опыте человек сознает свою близость к Богу — присутствие Бога в себе или свою укорененность в Боге. В опыте же творческого вдохновения, в котором сверхчеловеческое творческое начало непосредственно переливается в человеческое творческое усилие и конкретно слито с ним, человек сознает самого себя творцом; это значит, что он воспринимает свое сродство с творческими первоисточниками жизни, свое соучастие в таинственном метафизическом процессе творчества. Именно в качестве творца, человек более всего сознает себя — «образом и подобием Божиим». А так как в области реальности опыт есть последнее удовлетворение истины, ибо есть ни что иное, как самораскрытие самой наличествующей в нем реальности, — и здесь не может быть речи об иллюзии и заблуждении (как при познании объективной действительности), то мы в праве выразить этот опыт в терминах онтологических. Человек, как творец, есть соучастник Божьего творчества.

Метафизическое существо соотношения состоит, очевидно, в том, что Бог не только «творит» бытие, т. е. создает творение, включая человека, и не только — как бы-

ло уяснено выше — сам присутствует, как высшее, трансцендентное начало, в составе человеческого духа, — а что Он, сверх того, снабжает частично Своей творческой силой это Свое творение, т. е. творит творцов. Бог творит производно-творческие существа, дарует Своему творению соучастие в Своем собственном творчестве. Это последнее соотношение есть, конечно, лишь другой аспект, другая форма присутствия и соучастия божественного начала в человеческом духе.

Таково общее соотношение между Богом и Его творением, обнаруживающееся в таинственном явлении творческих процессов в составе уже самой космической природы. Наличие таких творческих процессов, которые, в форме учения о целестремительной формирующей энтелихи, утверждала метафизика и физика Аристотеля, человеческий ум в продолжение последних трех веков упорно пытался отрицать, представляя себе мир, как мертвую машину. В настоящее время, начиная примерно с учения Бергсона о «творческой эволюции», наличие творчества в составе мирового бытия стало снова, можно сказать, общепризнанным, по меньшей мере, в отношении органической природы; и развитие современной физики склоняет научную мысль к признанию, что нечто подобное, быть может, присутствует и в составе т. наз. неорганической природы.

Человеческое творчество, художественное и всякое иное, ему аналогичное — имеет, очевидно, глубокое сродство с этим космическим творчеством. Отличие его состоит в том что тогда как в природе творческая сила безлична или сверхлична, носит характер родовой, так что индивиду суть только ее пассивные орудия, человеческое творчество индивидуально, и активным носителем его является здесь личный, сознающий себя дух. Человек не только фактически творит, но и сознает, что он творит, имеет творчество, как дело собственного, автономного «я». Ощущая в процессе творчества действие в себе некоей высшей, сверхчеловеческой силы, он одновременно сознает себя самого не простым пассивным его орудием или медиумом — таковым он ощущает себя только в качестве чисто природного существа, напр., при рождении детей, — а активным его соучастником. В лице человеческого духа мы встречаемся с таким сотворенным существом, которому Бог как бы делегирует частично Свою собственную творческую силу, которого Он уполномочивает быть активным соучастником Своего творчества. Тот самый момент, который конституирует человека, как личность — момент автономности, самоопределения — обнаруживается одновременно как носитель творчества. Спонтанность в определении своей собственной жизни, та производная изначальность, которая есть существо личности — есть одновременно спонтанность в созидании новых форм бытия, т. е. сознательное творчество. Этот признак дополнительно подтверждает уяснившееся нам выше положение, что человек есть нечто большее и иное, чем просто «тварь».

Для оценки онтологического значения этого факта надо осознать — вопреки обычному представлению — что момент творчества вовсе не есть исключительная привилегия немногих избранных исключительных натур. Есть, конечно, в этом отношении существенное различие между разными типами людей: поэт (и творец вообще) склонен — в известной мере совершенно справедливо — ощущать свою избранность и потому свое аристократическое превосходство над обычным средним человеком, испытывать презрение к *prophanum vulgus*. Духовный мир — как и мир вообще — построен иерархически; в нем есть подлинные Божии избранники, духовные вожди, определяющие пути его развития. Но эта иерархическая структура совмещается в духовном мире с «демократическим» равенством. В этом смысле различие между «творцами» и средним человеком оказывается лишь относительным, различием в степени. Всякий человек есть в малой мере или в потенциальной форме творец. Мы уже указывали, что всюду,

где цель деятельности рождается из глубины человеческого ума, имеет место творчество. Всякий ремесленник, работающий с любовью и вкусом, вкладывающий в свою работу существо своей личности, руководится предносящимся ему идеалом и в этом смысле творит по вдохновению; и различие между ремесленником и художником только относительно. Это было очевидно в старину, в эпоху ручного труда; и если наша эпоха машинного производства провела отчетливую грань между механически-предписанным, автоматическим трудом и свободным творчеством, то она достигает этого именно принижением и подавлением истинно-человеческого в человеке, противостественным превращением человека в мертвое орудие или рабочий скот. Но и это возможно только до известной степени. Человек не может вообще перестать быть личностью; он поэтому всегда вкладывает хотя бы минимальный момент творчества в свой труд. Творческий элемент присущ далее всякому познанию: ибо познание есть внесение в бытие света истины, онтологическое вознесение бытия на уровень самосознающегося бытия. И если в отношении великих новых научных и философских синтезов само собой ясно, что в них творится нечто новое, небывалое, что ими обогащается бытие, то и здесь различие между творческим гением и ремесленником научного труда — при всей существенности его в отношении крайних типов — все же допускает незаметные переходы и тем обнаруживает свою относительность. Так же относительно, наконец, в области нравственной и политической различие между простым деятелем и творцом, напр., различие между администратором и политическим гением-творцом, или между самым скромным исполнителем нравственного долга и нравственным гением, совесть которого открывает и вносит в человеческие отношения новое нравственное сознание. Ибо в этих областях даже самый скромный, обыванный человек, кроме простого, извне предписанного ему выполнения своих обязанностей, вносит в свою работу элемент чутья, импровизации, догадки, справляется с индивидуальным положением каким-то новым небывалым, рождающимся из его души способом и в этом смысле есть творец. Всякий человек, вносящий отпечаток своей личности в окружающую его среду, всякая жена и мать, вносящая какой-то свой собственный стиль в жизнь семьи, свой эстетический стиль в домашнюю обстановку, всякий воспитатель детей есть уже творец.

Человек, как таковой, есть творец. Элемент творчества имманентно присущ человеческой жизни. Человек в этом смысле может быть определен, как существо, сознательно соучаствующее в Божьем творчестве. Нигде, быть может, богочеловеческое существо не проявляется так отчетливо, как в этой его роли производного творца. Человек есть не только раб Божий, покорный исполнитель воли Божией, а именно свободный соучастник Божьего творчества. Или, иначе говоря: так как воля Божия есть воля творческая, невыразимая адекватно в каких-либо общих, автоматически выполнимых правилах и предписаниях и состоящая именно в спонтанном формировании бытия в его неповторимо-индивидуальном многообразном составе, то подлинное исполнение воли Божией доступно только в форме свободного творчества: всякое слепое, рабское, механическое выполнение этой воли есть именно невыполнение ее истинного существа. Человек, как только «раб Божий», есть «раб ленивый и лукавый» — примерно подобно тому, как работник, только рабски-механически выполняющий предписанную ему работу, не интересуясь ею и не вкладывая в нее своего вольного усилия, есть уже тайный саботажник. Ибо Бог призвал человека быть не просто рабом, а Своим свободным, т. е., творческим сотрудником.

С другой стороны, существенно осознать, что человеческое творчество не есть уже тем самым осуществлением воли Божией во всей ее полноте, глубине и целостности. Ибо воля Божия не есть только воля к сотворению новых форм бытия; в согласии с тем, что Бог есть нечто большее и иное, чем только творческий первоисточник бытия,

именно есть вместе с тем олицетворенная святость, идеальное начало внутреннего совершенства, как бы духовной прозрачности и оправданности бытия — воля Божия в ее полноте и глубине есть воля, не только к созиданию, но и к обожению творения, к ее слиянию с самим Богом. В этом отношении только в области нравственно-религиозной, в области творческого усилия человека внедрить, воспринять в собственное бытие — индивидуальное и коллективное — святость Бога, человеческое творчество есть вольное выполнение целостной воли Божией. Но именно в этой области человек меньше всего есть «творец» и в наибольшей степени — простой восприимчивый благодатной реальности самого Бога.

Это отличие сверхчеловеческой творческой силы человека от целостной и глубочайшей воли Бога может быть выражено и так, что человек, как творец, есть всегда выразитель лишь одного из многих Его замыслов. Ибо Бог, в силу сверхрациональности Своего существа, не есть только чистое, абсолютное единство, а есть всегда и единство многообразия. Его творчество осуществляется в многообразии замыслов; и человек-творец всегда осуществляет один из этих многих замыслов, который он испытывает, как действующую в нем силу, как некий подчиненный божественный дух. Поэтому в человеческом творчестве обнаруживается действие сил, хотя и истекающих от Бога и связанных с Ним, но как бы промежуточных между человеческим духом и Богом. Тайнственное явление человеческого творчества есть обнаружение момента многообразия в реальности Божества, как бы некой производной, в известном смысле политеистической структуры реальности. Здесь снова обнаруживается плодотворность понятия *реальности*, как сферы промежуточной и связующей между Творцом и творением.

Но именно в силу этого, творчество имеет в составе целостного духовного бытия человека некоторую лишь ограниченную сферу, некоторые имманентные пределы. Мы имеем здесь в виду не просто внешние пределы человеческого творчества — не то, что Бог все же лишь частично делегирует человеку (или владеющему им сверхчеловеческому духу) Свою творческую силу, — так, что некоторые задачи превосходят творческую способность человека (так, напр., человек не может собственным творческим замыслом и усилием создать сам новое живое творческое существо). Мы имеем в виду имманентные пределы, вытекающие из самого существа человеческого творчества, как такового. Будучи проявлением только одной из множества метафизических сил, истекающих от Бога, но не самого существа Бога во всей Его глубине и полноте, оно ограничено тем началом, которое остается вне его. Будучи самодержавным в своей собственной сфере, именно в качестве творчества — так, художественное творчество не ведает иных мерил, кроме именно художественного совершенства и в этом смысле стоит «по ту сторону добра и зла», — оно все же, в целостной духовной жизни, остается подчиненным началу святости. Это обнаруживается в том, что никакое подлинное творчество невозможно без нравственной серьезности и ответственности; оно требует нравственного усилия правдивости, должно сочетаться со смирением, совершается через аскезу бескорыстного служения. «Служенье муз не терпит суеты: прекрасное должно быть величаво» (Пушкин). В противном случае творчество не только умалется, как таковое, но может даже, вопреки своему существу, выродиться в разрушительный титанизм, производно-божественный дух, вдохновляющий человека, как творца, при известных условиях может превратиться в «демона» или «дьявола», которым человек одержим.*) ...

*) Ту же возможность — в отношении переживания красоты — отметил, как известно, Достоевский: «Тут дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей».

А. АНАТОЛЬ (Анатолий Кузнецов)

Обращение к ПЕН-клубу

6 сентября 1969 г.

Здравствуй, дорогой, многоуважаемый Артур Миллер!

Я очень признателен Вам за Ваше участие в судьбе русской литературы, читал Ваши высказывания и хочу послать письмо в адрес Конгресса ПЕН'а в Ментоне.

К моему огорчению, в американской печати я прочел и другие высказывания, которые, по-моему, вызваны остатками иллюзий относительно России и которые свидетельствуют либо о частичном, либо о полном непонимании того, что там сейчас происходит.

Советский Союз — фашистская страна. Причем его фашизм гораздо более опасен, чем гитлеровский. Эта страна, которая живет в Орвелловских временах, гораздо раньше 1984 года. А на Западе все толкуют о каком-то диалоге с этим миром, о каких-то надеждах на либеральные преобразования в СССР, о каком-то коммунизме «с человеческим лицом».

Я не понимаю, сколько еще нужно доказательств? Десятки миллионов кровавых жертв, расстрелянная культура, фашизм, антисемитизм, истребление малых народов, превращение личности в лицемерное ничтожество, Венгрия, Чехословакия, а в литературе — сплошные убийства, самоубийства, травля, суды, сумасшедшие дома, непрерывная цепь трагедий от Гумилева до Солженицына — неужели мало???

И вдруг образованный, казалось бы, культурный человек может сказать вам на Западе: «Не верю, что в России так плохо. Если бы было так плохо, то почему народ терпит? Почему он не изберет другое правительство?»

О, нет предела людской наивности и доверчивости. Если цивилизации суждено погибнуть или выродиться, то это произойдет с восторженной помощью этаких доверчивых людей, которые верили Гитлеру, верили Сталину, которые шли на расстрел с их именами на устах, или в Бабий Яр, а думали, что их любезно везут в Палестину.

Такой же сказочной Палестиной оказался и миф о коммунизме, добрые намерения которого — в который раз — вымостили дорогу в ад, причем удлинители ее на много километров, и еще неизвестно, какими дорожными работами коммунисты потрясут мир в будущем. Те, якобы, грандиозные материальные результаты, которых они достигли ценой такого ужаса, крови и штурмов, за 50 лет могли бы быть в России вдесятеро больше, если бы применялся, скажем, американский способ хозяйствования — и без крови, и без ужаса.

Но они ведь еще создали Орвелловский тип человека! Двоумыслием, лицемерием советское общество пронизано настолько, что порой кажется: оно только из этого и состоит. Это говорю я, который родился, вырос в нем, дошел до грани, за которой сходят с ума — и поверьте, я знаю, что я говорю.

И вот воспитанные среди Западной демократии некоторые писатели приезжают в СССР, сразу же получают полный комплект Потемкинских деревень, деньги, водку, икру (которой, кстати, сами русские не видят) — и растаивают от удовольствия.

С ними работают сотрудники КГБ, а они ведут с ними «диалоги». Их нагло покупают, а они верят, что их так любят. Им устраивают встречи с русскими писателями, которые играют перед ними роли, как актеры на сцене, а они принимают это за творческие контакты. О, Господи, сколько раз меня самого заставляли участвовать в этих представлениях, в этой гнусности!

Советский писатель почти никогда не бывает искренним до конца. А с иностранцем — вообще, пожалуй, никогда. Даже дома в четырех стенах, даже где-нибудь в поле, когда вокруг никого нет, когда кажется, что он, наконец, нам говорит что-то искренне, раскрывает страшные вещи, — и даже тогда он с вами откровенен до определенного предела.

Это уже инстинкт, это уже врожденный рефлекс, выработанный полувековым ужасом, в котором выживают только те, кто обладает таким инстинктом, потому он и выжил, этот писатель, потому вы и беседуете с ним, и потому он ЧЛЕН Союза писателей, — а другие, искренние — их нет, они или далеко, в сумасшедшем доме, в концлагере, в земле. В лучшем случае РЕАБИЛИТИРОВАННЫ ПОСМЕРТНО.

Потому что он, этот ваш искренний друг, ругает Сталина, КГБ и цензуру, а в архивах КГБ лежат доносы, подписанные его рукой, а может быть, такой донос и сейчас лежит у него в кармане — на своего друга, произведения которого он так расхваливает, а может быть и на вас.

Самое страшное, что их и винить особенно нельзя: система такова, Орвелловский мир, гипноз всеобщего стадного помешательства и двоемыслия, воспитываемого с пеленок.

Я плохо написал эту статью о писателе и КГБ, у меня было только одно: поскорее сообщить агентуре в СССР, что мой «донос» был издевательским и чтобы они в самом деле не сделали чего-нибудь моим друзьям, и еще мне нужно было изрыгнуть эту мерзость, этот ужас, прежде чем начать новую жизнь. Эта мерзость, этот ужас в СССР для писателя ОБЯЗАТЕЛЬНЫ, если он ездит за границу, занимает какие-то должности. Вот это на Западе уж никак не укладывается в мозги.

О, если бы кто-нибудь еще прибежал, так же как я, не в силах больше выносить это, с истерзанной совестью, и если бы нашел в себе мужество подтвердить собственными фактами все то, что я рассказываю об отношениях советской литературы и КГБ!.. Пока я один, мне невозможно поверить. Но они боятся и молчат, несчастные. Умирают и уносят с собой свои тайны, как Эрнбург. Корчатся и трепыхаются, как Евтушенко. И — молчат!

Там, вблизи, КГБ кажется глобальной силой. Для мышей страшнее кошки зверя нет.

Это, видимо, совершенно непонятно Лилиан Хелман, которая написала, что раскаяния информаторов неприятны, спекулятивны. Что должны же существовать и другие пути в Англию. Что когда я буду у каминов разлагать о свободе, то мы будем помнить, что свобода как таковая и свобода, завоеванная предательством невинных друзей — это противоречие в терминах.

А что бы Лилиан Хелман предложила человеку, вырвавшемуся из Орвелловского мира? Промолчать? Кроме меня самого о моем фиктивном доносе никто не смог бы рассказать. КГБ не объявляет о таких вещах, иначе оно бы расписалось в том, что действительно занимается слезкой за писателями. И я бы мог спокойно рассуждать у каминов о свободе. Это мне предлагает Лилиан Хелман?

Нет, она говорит: «Не надо было вообще писать донос. Должны существовать и другие пути в Англию». Какие?

Я не могу ничего сказать о других писателях, как они ездят в Англию, США, Японию и так далее. Я рассказал о себе: при каких ЕДИНСТВЕННО возможных для меня условиях меня отпускали за границу.

Другой путь — переходить границу нелегально.

Я и к этому готовился. Путем тренировок я могу находиться 15 часов под водой, разработал конструкцию плотика, маршрут от Зеленого мыса под Батуми до турецкого побережья. И вот недавно я получил письмо от одного русского в Англии, который этот путь уже проделал. Он пишет, что его спасло чудо, что это безумная затея. Он просидел 6 месяцев у турок в тюрьме, пока они выясняли, не шпион ли он, и там встретился с пограничником, сбегавшим, как и он, из Батуми. По идее этот пограничник

должен был его ловить. Он рассказал, что у Батуми не только катера, подводные лодки, прожектора, вертолеты, локаторы, но еще стоят и подводные гидролокаторы, обнаруживающие любое плывущее под водой тело с мотором или БЕЗ.

Это как раз то, в существование чего я не верил. Они бы засеки меня. Это, к сведению Лилиан Хелман, был для меня ДРУГОЙ путь, только, видимо, не в Лондон, а на тот свет. Я не думаю, чтобы власти стали судить МЕНЯ, так популярного среди молодежи СССР, все-таки это была бы дикая история: поймали Кузнецова на турецкой границе! Скорее всего — сумасшедший дом, или утопили бы и напечатали в «Литературной газете» приличный некролог.

Некролог появился бы и в случае, если бы в Шереметьевском аэропорту в Москве вдруг почему-либо вздумали меня обыскать и нашли пленки с рукописями. Я был готов и к этому. Твердо решил, что в таком случае бросаюсь головой в окно. Не хочу пыток.

Я был готов на все, лишь бы не продолжать существование в том фантазмагорическом мире до самой смерти и старости. До сих пор не могу поверить, что пока спасся. Каждую ночь мне снится один и тот же кошмар: я бегу, меня лютят. Каждое утро просыпаюсь в поту, в ужасе, бросаюсь к окну удостовериться, что это — Лондон. И постепенно прихожу в себя. Спрашивал здесь других русских, бежавших из СССР. Они успокоили, что этот кошмар — совершенно нормальная вещь, это было с каждым из них, и этот «инкубационный период» длится два месяца, а чтобы окончательно прийти в себя и стать нормальным человеком — нужно два года.

Я сейчас словно вырвался из-за тридцати рядов колючей проволоки, лежу, хриплю, с меня хлещет кровь, а вокруг стоят сытые, розовые джентльмены и обсуждают, правильно ли я сделал, что вырвался и почему я проделывал это таким странным способом.

Мистер Вильям Стайрон считает, что я вырвался неправильно. Что оставшимся ТАМ будет теперь хуже, они не будут ездить фиглярничать в США и писать потом обличительные, направленные против буржуазной культуры поэмы. Но, главное, я должен был бороться в России как Солженицын, Гинзбург, Синявский, Даниэль.

Я бы на это предложил Стайрону подать заявление советскому правительству, чтобы Синявского отпустили в Америку, а Стайрон занял его место в концлагере и боролся. Но вместо этого расскажу о разных пониманиях «борьбы» в СССР.

Писатели в России делятся на довольно четкие группы:

1.

Полностью подчиненные. Да здравствует советская власть! Все, что делается — прекрасно. Таковы: ШОЛОХОВ, МИХАЛКОВ, КОЧЕТОВ.

2.

Умеренно либеральные. Да здравствует советская власть! Но не все, что делается — прекрасно. Если нужно писать абзацы о Сталине — пишем, но если можно выбросить их — с удовольствием выбросим. Таковы: КАТАЕВ, СИМОНОВ, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

3.

Воинственно либеральные. Да здравствует советская власть и коммунизм с человеческим лицом! Но только под суд не хотим! Таковы: ЕВТУШЕНКО, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ТВАРДОВСКИЙ.

4.

Оппозиционные. За советскую власть, но только не такую, как была все 50 лет. Готовы за правду хоть под суд, и попадают. СИНЯВСКИЙ, ДАНИЭЛЬ, СОЛЖЕНИЦЫН, ГИНЗБУРГ.

5.

Противники. Против советской власти. Считают, что «коммунизм с человеческим лицом» — фикция, миф. Что Советская Россия — это мировой жандарм, фашистская страна.

? ... ? ... ?

Вы слышали о таких? Встречались с ними? Я — да. Но их произведения не ходят в списках. Это невозможно. КГБ некоторое время изображало из себя либеральную кошку и позволяло мышам играть, но только в пределах четвертой категории. Оно сквозь пальцы смотрит на Солженицына, на «самиздат» (который, по заявлению начальника Московского КГБ могло бы уничтожить в 2 дня, и это правда) только потому, что вся эта литература — «за советскую власть, против отдельных злоупотреблений».

Даже Синявский и Даниэль уже были судимы, уже шли в концлагерь, а все доказывали, что они ничего плохого не хотели сделать что они ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ. И генерал Григоренко, и демонстранты в Москве — всего только требуют соблюдать советскую конституцию.

Ну, а если я ПРОТИВ советской власти? Я не фашист, не капиталист, не социалист, я сам не знаю, кто я такой, просто человек и гуманист, но я ПРОТИВ этого ужаса и обмана! Если я — пятая категория? Когда выйдут в свет мои книги, написанные подпольно, Вы, Артур Миллер, может быть поймете разницу между этой столь шумно борющейся СОВЕТСКОЙ оппозицией и тем, чего мир из России еще не получал — оппозицией ПОДЛИННОЙ.

Как же приказал бы мне, вот такому, бороться ТАМ мистер Стайрон? Если бы Орвелл жил в СССР — что ему делать? Пустить свой «Скотский хутор» по рукам в «самиздате»? Его тут же схватят, бросят в сумасшедший дом, инъекциями доведут до подлинного сумасшествия, вот и весь результат. Ведь крики «Долой коммунизм» в России раздаются только в сумасшедших домах.

Одно время я разрабатывал способ фотокопирования и хотел пустить свои произведения анонимно, несколько изменяя стиль, чтобы не узнали. Но с ужасом услышал от работников КГБ, причем от разных, что сейчас для них не представляет труда обнаружить автора по тексту. Лексикон, синтаксис, стиль и т. д. — индивидуальны, как их ни задутывай. И, в частности, к этому делу подключаются электронно-вычислительные машины, сыгравшие, по их словам, не последнюю роль и в разоблачении Синявского с Даниэлем.

Так что все-таки положение Орвелла было бы безвыходным: или храни рукописи в тайнике и неизвестности, или погибай. Или любой ценой спасайся из этой чудовищной страны.

Жить так, как Шолохов или Полевой, то есть быть циником и подлецом, — я не смог бы. По-моему, нет ничего страшнее. Это дикий компромисс с совестью.

Но все следующие категории: 2-я, 3-я, 4-я — это ведь тоже КОМПРОМИСС! Компромисс больше, компромисс меньше... Ведь все, все распинаются за советскую власть, кто искренне, кто тактически, кто вынужденно — но все против лишь «отдельных злоупотреблений»!

Это же все равно, что до революции этикие передовые борцы распинались: «Мы за царя-батюшку, но мы против отдельных злоупотреблений царизма». Или в фашистской Германии нашлись оппозиционеры, которые заявляли бы: «Мы за Гитлера и фашизм, но мы против газовых печей и других злоупотреблений».

Боже мой, несчастная страна, до чего она докатилась, если даже элементарное требование «Соблюдайте конституцию» или «Не сажайте невинных в лагеря» — является верхом политической борьбы, мужества и героизма.

Да, я преклоняюсь перед Синявским и Солженицыным, генералом Григоренко и Литвиновым. Они — как христианские мученики идут прямо на зверей, зная наперед, что их ждет. Но то, что они проповедуют — компромиссно. Поэтому им и ПОЗВОЛЕНО.

А бескомпромиссных даже к арене не допускают. Бескомпромиссных душат в темных подвалах, и их криков не слышно.

Все это к вопросу, почему я не остался в России к удовольствию мистера Стайрона, а также Лилиан Хелман, которая «не слышала» моей фамилии среди имен борцов за

советскую власть, против отдельных злоупотреблений. Видимо, они, Стайрон и Хелман, ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ?

Напрасно, сказал бы я Стайрону. Если бы он был советским писателем, ни одно его произведение не было бы опубликовано в СССР. Его там публикуют потому, что он критикует западный мир. Когда я читал «Долгий марш», я думал «Вот счастливый, даже армию — и ту может описывать как считает нужным». В СССР армия — такая же святыня, как и партия. О ней можно писать только хорошее, лучшее и еще лучшее.

Дорогой Артур Миллер! Простите, что отнимаю у Вас столько времени. Я Вас уважаю. Не трудитесь специально мне отвечать. Я подумал, что при разговоре о положении писателя в России Вам, может быть, пригодятся какие-нибудь мои уточнения, а возможно, Вы знаете и куда больше, чем я, в таком случае еще раз извините.

Желаю лично Вам больших удач и счастья!
Сердечный Вам привет.

А. Анатолий (Кузнецов)

А. БЕЛИНКОВ

Западная интеллигенция, советская оппозиция, и свобода, которой угрожает смерть

В субботу 13 сентября в Ментоне, во Франции, открылся Мировой Конгресс Пен-Клубов.

Председатель Мирового Пен-Клуба, американский драматург Артур Миллер решил поставить на обсуждение Конгресса вопрос о положении советских писателей. В связи с этим писатель невозвращенец А. Белинков отправил Конгрессу Пен Клубов обращение, текст которого мы ниже приводим:

Литературовед и писатель Аркадий Викторович Белинков в июне 1968 г. бежал на Запад вместе со своей женой Натальей Александровной.

Уже 20 июля 1968 г. в «Новом Русском Слове» (Нью-Йорк) было опубликовано его открытое письмо Союзу советских писателей. В ответ на это «Литературная Газета» от 14 августа посвятила Белинкову целый подвал.

В 1942 г. молодой советский писатель Белинков написал книгу, которая называлась «Антисоветский роман». Чтобы о книге можно было хотя бы упоминать, в литературных кругах Москвы ее стали называть «Черновик чувств».

В этой книге на большом историческом материале продемонстрирован процесс пожирания двумя гидрами друг друга: коричневая гидра пожирала красную, красная коричневую, один фашизм стремился поглотить другой. Будущие исследователи истории «Самиздата» наверняка на одном из первых мест поставят этот роман.

Двадцатидвухлетний писатель был арестован и приговорен, не к каторге или тюрьме, как Галансков или Даниэль, а к «вышке», к расстрелу, в последний момент замененному Владимирским политизолятором. Полуживым он попадает в лагерь особого назначения (Песчаный лагерь КГБ СССР, в котором в то время находился А. Солженицын).

Белинков пробыл в тюрьмах и лагерях тринадцать лет.

В 1960 г. в издательстве «Советский писатель» вышла книга Белинкова «Юрий Тынянов», создавшая автору большую популярность. Другая его книга — «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента» — в Советском Союзе печаталась лишь в отрывках в журнале «Байкал». В настоящее время Белинков готовит эту книгу к изданию.



В литературе так много легких вещей, что их уже и не хочется делать.

Не стоит сравнивать глаза женщины с бирюзой а с жемчугом — зубы.

В прекрасном курортном городе Ментоне, расположенном в 2.877 километрах от Москвы, легко выражать неодобрение Союзу писателей СССР за то, что он не защищает своих членов. Это легко и безопасно и, может быть, даже нужно, если приходится выбирать лишь между неодобрением и равнодушием.

Гораздо труднее, и безусловно более необходимо, в этом курортном городе сказать людям, которые считают себя

гуманистами и либералами, что они пособники секретарей правления Союза советских писателей и палачей и что их лобособничество привело к гибели Мандельштама и Цветаевой, сговору Сталина с Гитлером, расстрелу венгерского восстания, травле Пастернака, суду над Синявским и Даниэлем, оккупации Чехословакии, трагедии Солженицына. Это в бы вместе со своими советскими товарищами по перу обожествляли Сталина, это в бы вместе с советскими прокурорами обвиняли на процессах 37-го года, это в бы пишете о том, что писатели, бежавшие из советского застенка, — шкурники.

Люди, которые убили Мандельштама и Бабея, Пильняка и Цветаеву, делают свое дело, потому что они советские коммунисты, и их делу не следует удивляться, как не удивляемся мы делу хорька, который душит ни в чем неповинные и незащитные существа. Отвратительное животное нельзя ни перевоспитать, ни исправить, ни научить нравственности. Его нельзя порицать, его нужно уничтожить.

Гораздо хуже то, что мы не можем перевоспитать, переубедить и заставить задуматься людей, которые сами неповинных и незащитных существ не душат, но уверяют нас, что в определенные эпохи, это, уввы, исторически неизбежно. Еще труднее заставить опомниться тех, кто вообще удущение категорически осуждают, но клянутся, что если бы пришли другие, более образованные и молодые хорьки, то они Осипа Мандельштама и Марину Цветаеву ни за что бы не задушили. Нас просят, нас умоляют подождать, когда придет образованный и интеллектуальный, слушающий Би-Би-Си и имеющий диплом Московского государственного университета подлинный советский хорек.

Подпрыгивая от заложенного в них гуманизма, эту концепцию на разные голоса излагают некоторые советские и многочисленные западные интеллигенты.

В связи с озадачивающей оригинальностью аспекта возникают разнообразные вопросы, из которых я считаю важным выделить более академический: какой дурак лучше?

Я спрашиваю вас: какой дурак лучше — советский или американский (французский, голландский, мадагаскарский)?

Хорошо. Я отвечаю на этот вопрос вместо вас, и, поверьте, не только как патриот своей великой советской родины, но главным образом как человек, стремящийся только к подлинно научной истине: советский дурак лучше.

Он лучше потому, что страстно, самоотверженно хочет стать умным, но на его пути стоит неумолимый социально-экономический процесс. Ему гораздо, просто неизмеримо труднее быть умным, чем американскому дураку, которому созданы все условия для самоусовершенствования и который пренебрежительно отворачивается от них. Роковая безвыходность состоит в том, что американский дурак может быть умным, но из высших соображений не хочет, а

советский не может. Советский дурак обречен, потому что его надежда на исправление советской власти вызвана тем, что практически он не может получить надежную информацию, которая опровергла бы безумное заблуждение. Американский дурак может. Он хуже советского, потому что либо пренебрегает информацией, которой от него не прячут, либо плохо понимает ее, либо не доверяет ей.

В то же время советским дураком быть выгоднее, чем американским; глупость может сохранить ему жизнь, а при удачных обстоятельствах даже выстроить дачу.

В Советском Союзе на глупость можно выстроить дачу, а в Америке нет.

Вы не доверяете этой информации? Напрасно. Каждый человек в Советском Союзе, обладающий хоть крупницей ума, понимает всю противоестественность, бесчеловечность, бессмысленность этой власти, а за такое понимание в моем отечестве вместо дачного участка дают участок на лесоповале недалеко от города Потьма (Мордовская АССР). Многие советские писатели выбирают дачный участок в Переделкино. Сейчас пойдут некоторые дефиниции. Известная часть жителей Переделкина переезжает туда не только потому, что обладает наиболее распространенной и наименее социально опасной формой глупости — отсутствием ума, но потому, что обладает другой и гораздо более опасной формой глупости — лицемерием. Лицемерие это такая форма, когда советский писатель все очень хорошо понимает, но пишет о том, как прекрасна советская власть.

Для того, чтобы вам стало ясно, почему так стимулируется советский дурак, я расскажу вам случай, который некоторым из вас может показаться занимательным, а другим — не лишенным обобщающего значения.

Через несколько месяцев после смерти Сталина и через несколько дней после расстрела Берия нас, заключенных 9-го Спасского отделения Управления Песчанного лагеря КГБ СССР, согнали на поверку и заместитель начальника лагерного отделения по полит. работе капитан Ветров закричал:

— Партия и правительство идут навстречу пожеланиям; кто будет хорошо работать, того будем хоронить в гробах. До этого хоронили иначе: бирка к ноге.

Я рассказал вам этот занимательный эпизод не в жанре «картинки быта и нравов», а для обобщения.

Это — эпиграф ко многим институтам Советского Союза и даже к такому ответственному, как взаимоотношения государства и общества.

Общество должно отдавать советскому государству все; назад получает оно немного — кто хорошо работает, того хоронят в гробах. И общество старается работать хорошо. Особенно интеллигенция. Для того, чтобы хоронили в гробах, она пишет подлые романы и романсы, ставит спектакли, снимает фильмы, создает концепции и межконтинентальные ракеты.

Тем, кто не хочет писать романсы и создавать концепции для этого государства и в формах, которые требует это государство, привязывают бирку к ноге.

Гробы в Советском Союзе имеют разнообразную форму. Для особенно выдающихся они приобретают форму вышеописанных переделкинских дач, автомобилей и государственных лупанаров.

Гробы американских (французских, голландских, мадагаскарских) интеллигентов имеют другую форму и несут иную функцию.

Американский (голландский, мадагаскарский) интеллигент чаще всего хвалит советскую власть и уверяет, что она с каждым днем становится все лучше, не за дачу в Кейп Коде. Дача в Америке стоит недорого, и, в конце концов, ее можно купить, не делая гадость, а заработать, правдиво описав бензоколонку. Разнообразие гробов и изощренность их использования в современном мире, переживающем неслыханные социальные и невиданные психологические катаклизмы, часто таковы, что явному предательству они придают форму благородного стиля.

Почему Сартр хвалит советскую власть? Потому что ему не нравится система французского образования, ханжество буржуазии, не одобряющей его неформальный законный брак, и реакционные тенденции V республики. И когда он спорит с Французской Республикой, он приводит в доказательство Союз Советских Социалистических Республик. Когда же Советский Союз делает что-нибудь неприятное (сажает писателей в тюрьмы, развязывает войны и преследует евреев), то Сартр обижается на него. И это можно понять: ведь даже Сартру очень трудно выдать оккупацию Чехословакии за освобождение человечества от мрака средневековья. И тогда он снова получает дивиденд: он порицает великую прогрессивную колониальную деджаву и, таким образом, выигрывает в объективности.

Все, что я говорю здесь, обращено против интеллигенции, которая называет себя «либеральной», потому что осуждает несовершенства западной демократии и приветствует бурные успехи социалистического строительства. В прошлом такая интеллигенция называлась иначе: монархической, обскурантной, реакционной и профашистской. На моей родине эту интеллигенцию мы считали более отвратительной и опасной, чем собственных налетчиков на нашу свободу.

Положение либеральной западной интеллигенции, конечно, сложнее, чем это кажется советской оппозиционной интеллигенции. Сложность заключается в том, что она выполняет сразу две функции: либеральную и реакционную. Ее роль в собственной стране чаще всего действительно прогрессивна, но борясь за прогресс у себя она обращается к союзу с самой отвратительной реакцией, которую когда-либо создавала щедрая на злодеяния всемирная история. Эти союзы либеральной интеллигенции нужны для победы в ее собственной борьбе. И она борется за свою демократию, как она ее понимает. И ничего больше ее не интересует. И поэтому Россия, наша кровь, наше горе, горечь и смерть для нее значения не имеют, и Россия привлекается лишь как доказательство в споре, для доказательства и победы.

Нужно понять, что скорбные фразы о печальной судьбе России, произносимые либеральной интеллигенцией Запада озабоченным голосом, — лицемерие и выполнение обязанности по демократическому амплуа. Упомянутую либеральную интеллигенцию не интересуют ни судьбы России, ни, возможно, и окружающее ее Мироздание. Эту часть человечества занимают преимущественно только ее собственные тревожения и сложнейшие перипетии различных частей собственной души.

По нынешним обстоятельствам на идеологическом рынке для получения прибыли выгоднее презрительно отворачиваться от западной демократии и с энтузиазмом приветствовать освежающую новизну молодого мира. У этой концепции давняя традиция, начатая Тацитом и продолженная Габриэлем д-Анунцио, Кнутом Гамсуном, Луи Селином, Максимом Горьким и многими другими нашими собратьями по перу, приветствовавшими, кто германцев, кто фашистов, кто нацистов, кто коммунистов.

Вы, конечно, плюете на наши заботы, и мы, конечно, тоже не посыпаем головы пеплом из-за ваших бед. Но никто из вас ни об одной из своих забот не может сказать, что она угрожает человечеству рабством или уничтожением. А мы можем. Это не ваши реакционеры уничтожили миллионы людей в своей стране, захватили треть Европы, половину Азии, четверть Африки и частицу Америки. Никому из ваших реакционеров не удалось уничтожить национальные культуры, вытоптать свободу, запретить на замок еще недавно свободные страны, депортировать народы. А нашим реакционерам это удалось, и в этом помогаете им вы.

Речь идет о жизненно важных вещах: о взаимоотношениях советской оппозиции и западной интеллигенции. Это жизненно важно, потому что советскую оппозицию физически уничтожают, и помощь она может принять не от генералов, а от интеллигентов. Эти взаимоотношения — советской оппозиции и западной интеллигенции — очень

сложны, и сложности возникают не только от недоразумений и непонимания. Это не вы, это мы защищаем свободу, погибая в лагерях, уходя в изгнание, обрекая себя на голод, страдания и смерть. А вы убеждаете нас в том, что советская власть вообще не так плоха, а в ближайшие дни станет еще лучше. Мы говорим с вами, как с людьми, которые предали нас.

Слезы обиды, обиды либеральных, добрых людей, у которых есть дети, книги, а у некоторых даже Ленинские премии мира, слезы обиды забрызгали мой письменный стол. Это мы не знаем, но вы-то знаете, что сделали столько добра нам: вздыхали по Синявском и Даниэле, со всей резкостью сказали «Руки прочь от Чехословакии (и Вьетнама)», писали, что Солженицына надо издавать в Советском Союзе, потому что от этого советской власти будет только одна польза. Многие из вас никогда не скрывали, что с искренним уважением, а некоторые даже с любовью относятся к либеральной советской интеллигенции. Это может подтвердить Евгений Евтушенко, которого вы так тепло принимали в трудный для него час появления крайне неприятной заметки о его стихотворении в газете «Вечерняя Москва».

Увы, я должен вас огорчить. Я не хотел этого, не хотел. Случалось ли вам полюбить женщину, которая вас не любила?

Решающая причина, по которой прогрессивная интеллигенция СССР, та интеллигенция, которая борется с советской властью, с неприкрытой враждебностью относится к интеллигенции Запада, которая называет себя «либеральной», заключается в том, что советская интеллигенция, та, которую сажают в тюрьмы, которой не дают говорить и писать, борется со своими врагами — советскими диктаторами, а западная интеллигенция, которая называет себя «либеральной», ездит к этим врагам в гости, обменивается с ними рукопожатиями, повторяет их ложь и разрушает ту демократию, которая кажется им недостаточно совершенной и которая для оппозиционной советской интеллигенции является недостижимым идеалом.

Мне пришлось многое пережить, прежде чем я преодолел эту враждебность и постарался увидеть и иногда действительно видел среди западных интеллигентов искренних и серьезных людей, чья неосознанная трагедия в том, что они в ожесточении борьбы со своими врагами не замечают, как оказываются союзниками преступников.

Разговаривая с западными интеллигентами, я часто слышу слова сочувствия к своим друзьям в Советском Союзе. Но никто из моих друзей не просил передать этим сочувствующим благодарность. Женщина, которую вы полюбили, с презрением и скорбью отворачивается от вас.

Вы и советская свобододолюбивая интеллигенция боретесь против разных врагов. Советские интеллигенты борются против советского фашизма, а вы — против демократии. То, что вы называете более совершенной формой общественного устройства, в реальной истории обращается фашизмом разных цветов, сейчас с преобладанием красного.

Нет, самая несовершенная демократия лучше самого хорошего фашизма.

Я говорю уже довольно долго и сказал много неприятных слов — фашизм, предательство, стоны расстреливаемых, — и еще не произнес и слова о застенке, из которого только что вырвался и который литературно образованные люди художественно называют Союзом писателей СССР. Я и дальше не собираюсь о нем рассуждать. И не только потому, что на этом собрании беседуют об искусстве слова, а не о том, как советская литература много делает для истребления человечества, но потому, что западная интеллигенция и про Союз писателей и про истребления знает еще лучше советской, поскольку она читает статьи господина Солсбери в оригинале. Я вижу свой долг не в обнажении язв советской власти, а в том, чтобы одним западным интеллигентам показать, как гнусны другие западные интеллигенты, предающие сначала свободу моей родины, а потом и своей.

Что действительно прекрасно в западной либеральной интеллигенции, так это ее поэтическое бескорыстие и непрактичность: она не откладывает про черный день, она не рантье, чтобы делать социальные сбережения, и вообще заботится о будущем своем собственном и остальной части человечества, которое тоже кое-что стоит. Прелестная в своем легкомыслии так называемая либеральная интеллигенция Запада очаровательно не понимает, что если она ошибается, то, увы, навсегда, навсегда. Она не понимает, что советскую власть нельзя попробовать, а если не понравится — выплюнуть. В сущности, либеральная интеллигенция Чехословакии в феврале 1948 года так и хотела сделать, но, как мы теперь знаем, так и не выплюнула.

Что касается Соединенных Штатов Америки, Объединенного Королевства, Франции, Новой Зеландии, Гренландии и Лапландии, то в этих странах кадры либеральной интеллигенции формируются из людей, научно или художественно занимающихся Советским Союзом.

При тщательном изучении процесс формирования названных кадров представляется так:

Кто занимается Советской Россией? Русисты. Чье мнение о России авторитетно? Русистов. Где черпают русисты свои сведения о России? В России. Какие русистов пускают в Россию? Хороших. Какие русисты хорошие? Те, которые любят советскую власть.

Любя советскую власть и стараясь помочь советским хорякам, они говорят, что у американцев дома гораздо больше забот, чем на луне, и что ботинки Нила Армстронга слишком дорого обходятся налогоплательщикам, в связи с чем дети Черной Африки и старики Юго-Восточной Азии голодают. Юрий же Гагарин самоокупается, и напоры Советского Союза расцветают под сенью стратегических ракет класса «Земля-земля», а советские писатели, бегущие на Запад — шкурники.

Все это совершенно очевидные, во всех странах одинаковые интеллигентские непогресства, и в этом смысле западные интеллигенты мало чем отличаются от своих советских коллег. Только таких на моей родине мы никогда не называли «либералами».

Знаете ли вы, интеллигенты Запада, что и вас советская власть уже перевоспитала? Что и вы, приехав в гости к советской власти, или еще хуже, готовясь к поездке, уже ведете себя как перевоспитанные? Как своих, кто плохо себя ведет, советская власть не пускает за границу, так и вас, если вы плохо себя ведете, она не пускает к себе. И как советские, уже хорошо воспитанные интеллигенты, так и вы, западные, ведете себя хорошо, чтобы вас пускали. А если кто-нибудь у себя в Нью Хемпшире вел себя плохо, то его сначала пустят, а потом посадят. Следующий приезжающий будет хорошим. Это не все. Советская власть держит вас в страхе, как держит она и своих. Попробуйте попросить кого-нибудь из наших дорогих коллег провезти книгу или позвонить в Москве кому-нибудь из друзей, и вы увидите такие же испуганные глаза ливерпульца, какие я еще недавно видел у хабаровца.

Для перевоспитания западной интеллигенции советская власть применяет те же методы, что и для своей: страх и подкуп.

Бирку к ноге привязывали лучшим русским писателям — Есенину, Мандельштаму, Бабелю, Цветаевой.

Это делали простые советские люди: прокуроры и судьи, секретари ЦК партии и секретари правления Союза писателей, университетские профессора и учащиеся средней школы.

Теперь к ним присоединяется либеральная интеллигенция Запада.

Либеральная интеллигенция Запада старательно и с увлечением трудится над изготовлением для еще свободной части человечества бирки к ноге.

Из наиболее старательно вычерчивающих, строгающих и полирующих бирку следует назвать Лилиан Хелман, Альберта Мальца, Жан-Поль Сартра, Джеймса Олдриджа, Вильяма Стайрона.

В связи с тем, что пограние гуманизма и идеи свободы осуждается пунктом III Хартии П. Е. Н., призывающей «бороться за идеалы всего человечества», я предлагаю Лириан Хелман, Альберта Мальца, Жан-Поль Сартра из состава ПЕН-клуба — исключить.

И на основании пункта IV, который провозглашает свободу печати и борется с «произволом цензуры в мирное время», принять в ПЕН-клуб самых достойных русских писателей, борющихся за освобождение людей от тирании, — А. Марченко, А. Синявского, Ю. Даниэля, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, И. Бродского и А. Солженицына.

**

Нельзя обличительной статьей французского писателя или английского публициста остановить шестисотпятидесятитысячную армию, оккупирующую Чехословакию. Но вы должны понять, что, если из 90 строк советского сообщения от 22 августа 1968 г. об оккупации Чехословакии 68 строк посвящены идеологическим мотивам (нападкам на радио, телевидение и журналистов), то из этого с несомненностью следует, что вопросы идеологии являются для Советского Союза решающими, и с такой же несомненностью следует, что люди другой идеологии для Советского Союза опасны.

Люди, собравшиеся на Конгресс писателей в курортном городе, далеко не всегда производят впечатление идеологических противников советских прокуроров, секретарей, палачей. В лучшем случае они производят впечатление людей, которые считают, что советские руководители действительно иногда допускают грубые ошибки, которые другие советские руководители, более молодые и интеллигентные, никогда бы себе не позволили. Это — курортная социология.

Трагедия России в том, что советская власть, если бы и захотела, то не смогла бы сделать добро. Она даже попробовала его сделать. Немного, но все-таки попробовала — весной и летом 1956 года. А потом перестала. И не могла не перестать. За 52 года своего существования она причинила людям столько зла и страданий, что люди уже не могли считать себя удовлетворенными только тем, что оставшихся в живых выпустили из тюрем, еще не посаженных не посадили, злодеяний Сталина обещали не повторять и стали печатать стихи Евтушенко. Трагедия России в том, что если бы она не посадила Синявского и Даниэля за печатание своих книг за границей, то за границей стали бы печатать свои книги десятки писателей, а если бы она не разогнала два десятка человек, вышедших с лозунгом на Пушкинскую площадь, то через два дня на Пушкин-

скую площадь пришло бы две тысячи протестантов. Она хорошо понимает, что если бы не расстреляла венгерское восстание, не подавила бы чехословацкую демократию, то она оказалась бы без Восточной Европы. Если бы она не сажала украинских националистов, прибалтийских сепаратистов и крымских татар, то рассыпалась бы гигантская империя. И люди, вышедшие на Пушкинскую площадь, печатающие свои книги за границей, распространяющие рукописи в самиздате, могли бы сделать то же, что сделали такие же люди в Чехословакии, а в Чехословакии первое, что они сделали, это лишили палачей власти. Советские палачи не хотят, чтобы их лишили власти, и они хорошо понимают, гораздо лучше, чем западные интеллигенты, что такую власть они могут сохранить только такими методами. Трагедия России в том, что советская власть демократической быть не может, а перестать быть советской властью не хочет.

Интеллигентская оппозиция России раздавлена. Внутрипартийная борьба остается. Поэтому Россию ждут государственные перевороты, которые совершат сильные личности. Но сильные личности совершают государственные перевороты не во имя демократии. Могут уничтожить Брежнев, но это не значит, что Шелепин остановится перед румынской или югославской границей, или перед оппозицией переделкинской интеллигенции.

Из моих слов вы сделаете вывод, в котором есть соблазнительная убедительность: если все так безнадежно, то зачем же бороться с советской властью, которую победить нельзя?

Когда в ночь с 13 на 14 декабря 1825 года на квартире Рылеева собрались люди, которые через несколько часов должны были вывести войска для свержения государственного строя, то они знали, что восстание кончится поражением, а сами они погибнут. Но через несколько часов они вышли. Восстание кончилось поражением, и они погибли. Люди, которые не вышли на площадь свергать государственный строй России, говорили, что только безумцы могут пойти на верную смерть. Но нельзя представить себе, чем же была бы история России, если бы ее абсолютизму, ее монархизму не мешали безумцы, обреченные на поражение. Эти безумцы мешали абсолютизму вытоптать в се живое. Советскую власть уничтожить нельзя. Но помешать ей вытоптать все живое — можно. Только это мы в состоянии сделать. И это стоит того, чтобы бороться и умереть.

А. Белинков

27 июня 1968 года — 10 сентября 1969 г.
Соединенные Штаты Америки.

Л. ВЛАДИМИРОВ

Западные либералы и СССР

Леонид Владимиров (Леонид Владимирович Финкельштейн) родился в 1924 году в украинском городе Черкасы.

Студентом четвертого курса Московского авиационного института, в августе 1947 г., Владимиров был внезапно арестован и до самой смерти Сталина отбывал заключение в лагерях.

После освобождения окончил институт — правда, уже не авиационный, а автомеханический — и был послан на завод Малолитражных автомобилей. Он работал мастером, технолог цеха моторов, а потом редактором заводской ежедневной газеты.

С 1958 г. Владимиров — профессиональный журналист. Еще раньше, в 1957 г., он в числе первой тысячи был принят во вновь организованный Союз журналистов СССР и взял псевдоним — в связи с тем, что человеку с еврейской фамилией очень трудно печататься в советской прессе.

Последние шесть лет пребывания в России Л. Владимиров руководил отделом техники и промышленности в массовом научно-популярном журнале «Знание — сила». За это время

вышли в свет его книги: «Дороги к незримому кладу», «Путь к нулю», «Прикосновение мага» — все научно-популярного характера. В марте 1965 г. журнал «Москва» напечатал повесть Владимирова «До пенсии сорок лет». Повесть была инсценирована московским телевидением и переведена на английский язык.

Вся эта карьера — сознательно пройденная Владимировым по линии научно-популярной журналистики, без единого политического выступления — дала в конце концов желанный результат: власти разрешили Владимирову выехать в Англию с группой писателей и журналистов. Там Л. Владимиров попросил политического убежища и на родину не вернулся. По его словам, он готовил выезд из страны в течение десяти лет.

Ниже мы помещаем выдержку из недавно появившейся книги Владимирова*).

*) Леонид Владимиров. Россия без прикрас и умолчаний. Издат. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1969, 325 стр.

Грубая антикапиталистическая пропаганда не действует больше на русскую интеллигенцию. Власти это, по-видимому, понимают. И для удержания интеллигенции хоть в какой-то пропагандистской узде у них есть особый рецепт. В аптекарских терминах я назвал бы этот рецепт «левым противоядием».

В Америке, Англии, Франции, Западной Германии, Италии — везде на Западе — есть множество людей, недовольных по тем или иным причинам жизнью. Нет, не плохая пища, не теснота квартиры и не дырявая одежда вызывают их недовольство — наличие всех элементов жизненного комфорта они принимают как должное. Они даже обижаются, когда им намекают, что они имеют автомобиль и спят в отдельной спальне — они интеллектуальны и презирают эти бытовые мелочи, эти капиталистические подати. Против правительства, против существующих гнилых государственных институтов бунтует их гордый дух. Они бичуют, протестуют, разоблачают, они «глаголом жгут сердца людей». Они придерживаются разных взглядов, иногда противоположных убеждений, одни религиозны, другие атеистичны, третьи анархисты, четвертые центристы, пятые коммунисты — но все они с удовольствием называют себя левыми. Придерживаться левых, по возможности радикальных взглядов — это сейчас модно на Западе как сверхкороткие юбки или псевдоантичная мебель.

Сам по себе факт безнаказанного (и часто безбедного) существования левых с их ярко выраженными антиправительственными взглядами и действиями свидетельствует о наличии свободы в их странах, а не о ее отсутствии. Но этого они не замечают, и излюбленная тема левых речей, левых статей, левых митингов — ограничение, подавление свободы.

Что ж, в принципе левая оппозиция полезна для демократического строя. Ее немедленная критическая реакция на каждый промах властей делает эти промахи видимыми и помогает их ликвидировать. Оппозиция слева принуждает правительства уделять больше внимания нуждам бедных слоев населения — это тоже прекрасно. Очень плохо другое: сегодня западные левые стали главным средством, главным инструментом и оружием советской диктатуры в борьбе против собственной прогрессивной интеллигенции.

Эти люди, среди которых есть весьма значительные писатели, философы, ученые, художники, видят в своих странах только темные стороны, только скверные, отталкивающие явления. Но, если так, то должен же быть где-то другой, светлый полюс. С целью его отыскания они едут на месяц в Советский Союз и возвращаются в полном восторге. Ну, по правде сказать, не совсем в полном восторге, но какие-то там мелочи быта проходят мимо их внимания. Подлинный интеллектуал выше этого, особенно если он квартирует в трехкомнатном номере отеля класса «люкс» с видом на волшебный Кремль и поедает высококачественную черную икру на завтрак. Зато какие они милые люди, эти русские, как откровенно говорят, наряду со своими крупнейшими достижениями, о переживаемых ими некоторых трудностях! Какие у них грандиозные планы! Какую удобную рабочую квартиру удалось случайно посетить! Какими массовыми тиражами издают они мои книги!

И далее в том же духе:

За бесплатное или почти бесплатное проживание в отелях, за путешествия к теплому Черному морю и потребление черной икры благодарный западный интеллектуал пишет книгу того же черного цвета о стране, откуда он приехал. Этого только и надо его гостеприимным русским хозяевам. Если в книге, наряду с проклятиями по адресу капитализма, есть восхваления Советского Союза — это совсем хорошо. Но если и нет — тоже не страшно, не было бы только критики. Книгу издадут тиражом в полмиллиона и будут о ней писать в газетах куда похвалнее, чем о произведениях Шекспира. Автора назовут великим и прогрессивным — а такого искушения не способен выдержать даже человек, умеющий при случае отказаться от Нобелевской премии (простите, это, кажется, прозвучит диссо-

нансом, но когда Жан-Поль Сартр отказался от присужденной ему премии, русские интеллигенты с ненавистью говорили: если бы ему было нечего жрать, взял бы премию как миленький! И добавляли по адресу апологета экзистенциализма такие чисто русские эпитеты, которые воспроизвести в печати, увы, невозможно).

Надеюсь, вам уже понятен рецепт, прописываемый советской пропагандой интеллектуалам. Смотрите, говорят им, вот свидетельства великих и прогрессивных писателей Запада о том, что такое капитализм. Это говорят вам не коммунисты, а люди, далекие от коммунизма (последнее выражение — «далекие от коммунизма» — принятая пропагандистская формула, и чем дальше автор «черной» книги от коммунизма, тем в данном случае лучше).

Примите теперь во внимание, что никаких других книг о капитализме, кроме этих вот «прогрессивных», в России не издадут, и получить западные издания других книг рядовой русский интеллигент тоже не может. Об этом работают такие учреждения, от существования которых в СССР западные левые стараются всячески отмахнуться, — цензура и секретная полиция. Что же остается русскому интеллигенту? Прочсть Сартра или какого-нибудь Силлитоу или даже блистательного Грэма Грина или великолепного Сэлинджера — и подумать: ах, черт, если уж такие компетентные люди резко критикуют капитализм, значит, он и вправду несладок. Видимо, ничего не остается, кроме как терпеть наш режим.

На этот эффект власти и рассчитывают, отбирая книги западных писателей и журналистов для перевода на русский и устанавливая тиражи. Вот, кстати, занятный факт по этому поводу: издательство «Мир», выпускающее переводы, — единственное в стране, не указывающее тиражей своих изданий. Стоит, пожалуй, еще разъяснить, что установление тиража в СССР — акт чисто политический, а не коммерческий: тираж устанавливается заранее, в зависимости от идеологической ценности книги и не имеет никакого отношения к последующему спросу. Это ведет к тяжелым экономическим жертвам, но, как любят выражаться пропагандисты в СССР, идеология выше торгашеских соображений.

Однако книги левых литераторов Запада — лишь один из инструментов в этом дьявольском наборе. Не все ведь левые — писатели, не все они пишут книги. И не надо. Одни пишут книги, другие ставят подписи под протестами против войны во Вьетнаме, третьи выступают в газетах, четвертые пикетируют Белый Дом, пятые делают просоветские доклады в обществах дружбы, шестые приезжают в СССР и дают соответствующие интервью советским журналистам. Все идет в дело, все публикуется в России. Бумаги на это всегда вдоволь — ее не хватает только на издание «Доктора Живаго» или романов Солженицына или поэм Бродского...

Правда, иногда левые вдруг высказываются «не по программе». Они ведь — за исключением кучки профессионалов, сделавших левизну источником существования, — безусловно честные и гуманные, только несколько наивные люди. И гнилой буржуазный гуманизм в сочетании с милой наивностью иногда побуждает их протестовать, например, против отправки на каторжные работы русских писателей. Но подобные высказывания левых печатают, увы, только продажная западная пресса. Правдивая печать СССР о них благородно молчит.

Не могу удержаться от того, чтобы привести недавнее (сентябрь 1967 года) высказывание западногерманского писателя Генриха Белля (далекий от коммунизма, но великий и прогрессивный). Вместе с группой своих коллег Белль протестовал одновременно против войны во Вьетнаме и против приговора Синявскому и Даниэлю. То, что он пишет об этом — подлинный перл левого мышления:

«Все западногерманские газеты, а их несколько сот, опубликовали наш протест против ареста обоих советских писателей, но лишь немногие из них (разрядка моя — Л. В.) — и протест против вьетнамской войны... Я полагаю, что в социалистических странах было наоборот: там

были напечатаны или упомянуты лишь наши протесты против вьетнамской войны, а протест против ареста обоих писателей был либо замолчан, либо прокомментирован в том же издевательском тоне, как здесь наш протест против войны во Вьетнаме».

Видите, до чего прогрессивен герр Белль: он даже допускает, что «и там не очень хорошо, и здесь плохо». Он ставит этакий знак равенства между западногерманской и восточноевропейской прессой. Так-то так, но одна мелочь несколько портит нарисованную им картину: «немногие» западногерманские газеты, как пишет Белль, все-таки опубликовали его вьетнамский протест. И цензура им не помешала, и редакторов не забрали наутро в полицию. А в социалистических странах «были напечатаны или упомянуты только протесты против вьетнамской войны» и не нашлось почему-то ни одной газеты, осмелившейся напечатать — просто напечатать, а не издевательно прокомментировать — протест против ареста Синяевского и Даниэля. Почему бы это, как выдумаете, уважаемый герр Белль?

Впрочем, задавать такие вопросы левым — дело довольно безнадежное. Вразумительного ответа, что они думают об уровне жизни в СССР, о свободе слова и печати в России, о лагерях, слежке и подавлении — вы никогда не получите. Вместо этого они всегда твердят одно: «А на Западе тоже не лучше: во Вьетнаме идет война, а в Детройте — негритянские волнения».

Когда я впервые попал в Англию и основательно поговорил с местными левыми интеллигентами (не коммунистами!), мне сперва стало страшновато, потом смешно и неловко за них. Но скоро я нашел для себя утешение: я вспомнил, что в середине тридцатых годов, во время кровавого сталинского половодья, левых на Западе было тоже немало. И к их числу принадлежали люди, даже более крупные, чем мсье Сартр или герр Белль — ну, скажем, Ромэн Роллан и Лион Фейхтвангер. И «те» левые, образца тридцатых годов, были даже более просоветскими, чем нынешние — теперь-то ясно, что без известных оговорок обходиться нельзя.

Но все-таки: имеющие уши да слышат! Господа левые, понимаете ли вы, как вас используют в Советском Союзе? Хотите ли вы быть использованы таким образом для нужд диктатуры и для подавления свободы, о которой так печетесь?

Я скажу еще одну вещь и, надеюсь, меня поймут правильно. Когда левые сочинения против капитализма и буржуазной демократии публикуются в России — это в какой-то степени действует, помогает русским лидерам справляться с интеллигенцией. Но когда левый вдруг перестает быть левым и отрывается от своих ошибочных взглядов, это действует — в обратном направлении — гораздо сильнее. И в России об этом всегда быстро узнают. Во-первых, о таком «дезертире» моментально перестают упоминать в советской прессе, и чуткие русские понимают: ага, что-то не так. Во-вторых, иногда «бывшим левым» дают отповедь на страницах советских газет, и эта злобная ругань по адресу человека, только что ходившего в «великих и прогрессивных», всегда радует мыслящих людей в России: ну, слава Богу, еще один поумнел.

Так было, если брать последние годы и примечательных людей, с американским писателем Говардом Фастом. Его произведения печатали сказочными тиражами, играли на сценах, ставили в кино. Потом Фаст взял и написал честную книгу «Голый бог». После некоторого замешательства московская «Литературная газета» опубликовала истерическую статью советского писателя-жандарма Грибачева на всю первую страницу под выразительным заголовком «Говард Фаст — псаломщик империализма». И статья эта, против воли советских идеологов, дала интеллигенции больше, чем многие подпольные антисоветские сочинения.

Между прочим, у меня с этой статьей Грибачева связано поразительное воспоминание. Буквально за две недели до ее появления я с восторгом «проглотил» первую часть автобиографии Артура Кестлера «Стрела в небесной си-

неве» (разумеется, я получил ее нелегально). А Кестлер жил в Германии в начале тридцатых годов и великолепно описывает атмосферу перед приходом Гитлера. Он работал тогда в прессе Ульштейна, а этот газетный концерн ежедневно подвергался зверским нападкам фашистов как либерально-демократический и к тому же еврейский. Особенно старался в своей газете доктор Геббельс, статьи которого появлялись каждое утро. «Это не удивительно, — замечает А. Кестлер, — мы ведь придерживались всего того, что Геббельс особенно ненавидел». Дальше автор ставит двоеточие и перечисляет, что же именно ненавидел будущий гитлеровский идеолог. На первом месте стоит «безродный космополитизм»!

У меня, помню, тогда дух перехватило. Вот, значит, откуда заимствовали советские идеологи борьбу с «безродным космополитизмом», которая развернулась в России через пять лет после смерти доктора Геббельса! Даже прилагательное «безродный» взяли у нацистов без изменения.

И вот я читаю статью Грибачева «Говард Фаст — псаломщик империализма» — и вдруг наткнулся на такой пассаж: «Господин Фаст сердится на нас еще и за то, что мы против космополитизма. Не важно, кто первый сказал «э», важно, что космополитизм...» И далее всякие нехорошие слова по адресу космополитизма. Понимаете? Грибачев-то читал книгу Фаста «Голый бог», а там сказано, откуда пошли гонения на «космополитизм». Но признать это перед советским читателем нельзя было. Как ответить Фасту и в то же время не объяснить, на что отвечаешь? Грибачев и придумал такую фразу, которая понятна Фасту и вообще Западу, но совершенно бессмысленна для неосведомленного советского читателя. А я, прочитавший только что Кестлера, понял цинизм Грибачева.

Совсем недавно, в 1966 году, тот же Грибачев накинулся на другого, на сей раз западногерманского писателя — Карл-Людвига Опица. Романы Опица триумфально издавали до тех пор и в СССР и в Восточной Германии, много платили, приглашали в эти страны. Увидев, каково положение за железным занавесом в действительности, К. Опиц не выдержал и написал сатирический роман «Большевита». Статья Грибачева на сей раз выдержанная в менее хамском тоне (времена меняются!) тоже сослужила хорошую службу русской интеллигенции, помогла лучше оценивать писания западных левых.

Для чего я рассказал эти два эпизода — два из многих? Для того, чтобы наметнуть честным западным либералам, что у них есть отличный способ помочь русской интеллигенции. Пишите правду о Советском Союзе, господа, а не исходите в своих сочинениях из предположки, что холодная война кончилась, и теперь надо похлопывать коммунистов по плечу. Холодная война прекращена только одной стороной — западной. Прислушайтесь — услышите гром московских пропагандистских пушек.

Я боюсь, что либерально настроенные люди на Западе поймут меня так: чтобы помочь русской интеллигенции в борьбе с диктатурой, надо перестать критиковать капитализм. Я ни в коем случае так не думаю, ибо это означало бы конец демократии, да и вообще было бы верхом наивности с моей стороны. Дело совсем в другом: надо просто понять, что строй в Советском Союзе ни при каких условиях не может быть альтернативой. Что этот строй только в одном смысле лучше германского фашизма — в своем отношении к евреям и цыганам. Во всех остальных отношениях советский строй гораздо хуже гитлеровского (жизненный уровень людей, технические достижения, пропаганда, численность заключенных в лагерях, цензура, ограничения в передвижении жителей, образование, медицинская помощь, сельское хозяйство — сравнивайте, что хотите). Кроме того, лидеры КПСС намного лицемернее нацистов. Те выражали свои людоедские стремления с примитивной откровенностью, чем отталкивали либералов; эти применяют фразеологию, на которую все левые клуют как рыба на жирного червяка, — мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье. Не уподобляйтесь же рыбе, господа, червяк насажен на смертоносный крючок!

В. ПИРОЖКОВА

Мастер и Маргарита

В издательстве «Посев» вышел роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с полным оригинальным текстом*). Восполнены купюры, сделанные советской цензурой. Теперь видно, как сильно был обкарнан роман, хотя число выброшенных советским цензором страниц в общей сложности не так уж велико. Но уж очень характерно, что пало жертвой карандаша цензора. Выброшены два больших отрывка: сон Никанора Ивановича в главе того же наименования, получившей в советском издании просто название «Никанор Иванович», и сцена в Торгсине в главе «Последние похождения Коровьева и Бегемота». Оба отрывка сильно написаны и оба показывают способ выкачивания советской властью золота и валюты из населения. Причем «иностранец», делающий покупки в Торгсине на валюту и умеющий лишь коряво произнести несколько русских слов, вдруг от потясения полностью овладевает незнакомым ему до сих пор русским языком, когда его сталкивают в бочку с селедочным рассолом. Иными словами, недоступные населению продукты и вещи в Торгсине покупали не иностранцы, а партийные главки, получавшие ту валюту, которую власти выколачивали из населения.

Но для всей концепции романа важнее даже не эти два больших отрывка, а то, что восстановлены небольшие, при беглом чтении даже, может быть, почти незаметные купюры, абзацы, отдельные фразы или иногда только слова. Но они-то и дают роману как раз нужное углубление.

Попробуем наметить несколько линий таких углублений. Цитировать буквально мы будем только те места, которые были вычеркнуты советской цензурой, конечно, далеко не все, а только те, которые нам кажутся особенно важными для понимания смысла всего произведения. Начнем с более поверхностного анализа. Несколько восстановленных купюр значительно усугубляют картину ужаса советского господства. Их выпуск сильно «причесал» роман в этом смысле. Власть представляется почти что даже гуманной, стоящей на страже населения, терроризируемого шайкой Воланда. Иное впечатление производит оригинал Булгаковского романа. В главе «Нехорошая квартира» подробно описывается, как оттуда еще до появления Воланда бесследно исчезали люди: их вывозили, но обратно не привозили. Хотя Булгаков и говорит иронически о чарах, но совершенно ясно, что «чарами» были органы НКВД.

В главе «Маргарита» Азazelло неожиданно заговаривает с Маргаритой и называет ее по имени и отчеству, и первая ее мысль — это мысль об аресте! «Вы меня хотите арестовать?» «Ничего подобного! — воскликнул рыжий, — что это такое? Раз заговорил, так уж непременно арестовать!» (стр. 268). Когда Азazelло цитирует ей рукопись мастера и ее собственные мысли, Маргарита еще больше проникается убеждением, что имеет дело с представителем «органов», она спрашивает Азazelло, из какого он учреждения. Ей понятно, что до рукописи можно было добратся: «Наташу подкупили, да?» (стр. 286) — но неужели «учреждение» уже научилось читать мысли? Ужаснувшейся Маргарите и это не кажется уже абсолютно невозможным.

Однако, эти страшные органы, относительно которых все можно предположить, носят внешне совсем нестрашное

лицо. Их маскировка лучше, чем у дьявольских сил Воланда. В главе «Конец квартиры № 50» советская цензура выпустила абзац, начинавшийся словами: «и в комнату вошел молодой, круглолицый, спокойный и мягкий в обращении человек, совсем не похожий на следователя, и тем не менее один из лучших следователей Москвы». (стр. 423).

Глава «Полет» в советском издании начинается восклицаниями Маргариты: «Невидима! Невидима!» В оригинале добавлено только одно слово, но оно говорит все, а именно слово «свободна». «Невидима и свободна! Невидима и свободна!» — ликует Маргарита. В Советском Союзе человеку надо стать невидимым, чтобы быть свободным. Как характерна цензурная работа, вычеркнувшая слово «свободна!» Карандаш цензора знал, что делает.

Выпущены советской цензурой и меланхолические рассуждения Воланда о неизменности человеческой природы. Коммунизму не удалось создать нового человека. В главе «Черная магия и ее разоблачение» перед фокусами «магов» происходит разговор Воланда с Коровьевым о Москве. Конференсье Бенгальский пытается представить дело так, что иностранцы восхищаются техническим прогрессом, наблюдаемым в Москве, но Воланд отрицает это: «Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая...»

— Аппаратура, — подсказал клетчатый.

— Совершенно верно, благодарю, — медленно говорил маг тяжелым басом, — сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?

— Да, это важнейший вопрос, сударь.

В кулисах стали переглядываться и пожимать плечами, Бенгальский стоял красный, а Римский был бледный». (стр. 155). В стране победившего социализма опасно задавать вопрос о *внутреннем* человеке. Проделав свои эксперименты с раздачей денег и даровых туалетов, Воланд получил ответ на свой вопрос и констатирует после эпизода с оторванной головой Бенгальского: «Ну, что ж, — задумчиво отозвался тот — люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны: из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну легкомысленны... ну что же... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем напоминают прежних, квартирный вопрос только испортил их...» (стр. 159—160). Здесь восстановленные купюры набраны курсивом, т. к. трудно выделить их из абзаца. Но советской цензуре не хотелось оставить то место, где Воланд приходит к выводу, что люди в советской Москве «похожи на прежних, деньги любят», только вот с квартирами в технически прогрессивной Москве так плохо, что их квартирный вопрос даже испортил.

Самая главная тема романа — это тема трусости и мужества. Она и при наличии советских купюр ясно видна. Но в оригинале она обозначена еще много отчетливее. В главе «Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кариафе» Булгаков вкладывает в уста Иисуса утверждение, что трусость является одним из самых главных пороков. Пилат спрашивает начальника своей тайной службы об Иисусе и Его поведении перед казнью: «Не пытался ли Он проповедовать что-либо в присутствии солдат?»

— Нет, ижемон, Он не был многословен на этот раз. Единственно, что Он сказал, это — что в числе человеческих пороков одним из самых главных Он считает трусость» (стр. 386). В той же главе об этом напоминает еще раз: «Туг Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...большого порока... трусость» (стр. 415).

Напомним, что трусость, о которой здесь говорится, это не трусость на войне. О Пилате повествуется, что он в свое время был храбрым воином. На поле брани он не бежал, не капитулировал, даже не испугался. Нет, дело не в такой трусости. Та трусость, которую Булгаков называет

* М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Издат. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1969, 498 стр.

одним из самых больших пороков, это трусость в мирное время, трусость не перед лицом врага, но перед лицом начальства, отсутствие того, что мы называем *гражданским мужеством*. Булгаков кончал свой роман в конце 30-х годов, во время страшных сталинских арестов, расстрелов, пыток, разбухших концлагерей. Не жесток ли упрек в трусости в недостатке гражданского мужества при таких условиях? Ведь ясно, что Пилат играет в романе двойную роль: исторического лица и одновременно символа. Упрек в трусости обращен к современникам. Не жесток ли он? Умереть в бою, с оружием в руках, рядом с товарищами, не страшно. Умереть одному, в застенке, в концлагере, длительной, мучительной смертью, безгласно и безвестно, — страшно. Трудно обвинять человека, не устоявшего перед такой перспективой.

Да, но трусость начинается гораздо раньше. Пилату не угрожал ни концлагерь, ни расстрел, ему в худшем случае угрожал гнев императора и потеря должности прокуратора беспокройной Иудеи, должности, которой он сам же тяготился. Правда, карьера его была бы испорчена. И вот он не устоял... Трусость начинается гораздо раньше, чем тогда, когда перед глазами человека вырастает тень виселицы или застенка. Трусость окружает нас в нашем быту. Боязнь нажать хоть небольшие неприятности, боязнь потерять насиженное место, боязнь показаться слишком необычным, не таким как все, боязнь быть самим собой и соответственно с этим поступать. Эта трусость нередко маскируется перед самим ее носителем весьма нарядно: миролюбием, даже добродушием, нелюбовью к ссорам, да мало ли еще чем. Трусость начинается с мелочей, из-за которых действительно, как кажется, не стоит портить нервов, и кончается... Пилатом. Потому что только верный в малом может быть и верным в большом.

Не гонения, аресты и ссылки породили трусость. Наоборот, трусость породила гонения, аресты и ссылки. Именно она стояла у колыбели всех этих ужасов. Когда дело зашло уже так далеко, когда альтернатива только одна: мученичество, тогда понятно, что может дрогнуть сердце. Но было время, — если не у этого человека лично, — то у многих других людей, когда было еще далеко до мученичества, но когда было боязно поступиться своими привычками, своим углом, благорасположением начальства, занимаемой должностью, безразлично, была это должность прокуратора Иудеи или какого-нибудь мелкого бухгалтера. Каждое решение человека, каждый его поступок, даже самый малый, формирует его и отчасти уже предопределяет, как этот человек поступит другой раз. Незначительный шаг по пути трусости, малейшая уступка против голоса совести уже облегчает следующий, более крупный, шаг по этому же пути. Вплоть до того момента, когда околесневший в привычке к трусости человек бывает нередко уже не в силах стряхнуть с себя эту привычку, оказавшись перед самым большим, самым роковым решением своей жизни. И тогда возврата больше нет. «За сегодняшний день уже второй раз на него пала тоска. Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений. И быстро он понял это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а, главное, — запоздавшими действиями. Обман же самого себя заключался в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешние, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору.» (Глава «Погребение», стр. 391). Несмотря на ясный голос совести, Пилат не мог стряхнуть с себя наваждение *привычки*. Неужели он, римский прокуратор, погубил бы свою карьеру ради какого-то странного человека, совершившего преступление против кесаря? Внешнее благоразумие восторжествовало над совестью. А

теперь уже поздно. Его мучает сон, в котором он пытается бесплодным усилием убедить себя в том, что того, что случилось не могло быть: «И, конечно, ужасно даже помыслить, что такого человека можно было казнить. Казни не было! Не было! (стр. 403). Но она была. И прозрение, что надо было отдать все и следовать голосу совести, пришло поздно: «Разумеется погубит. Утром еще не погубил бы, а теперь ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!» (стр. 403).

Но спасти уже нельзя. Жалкая месть предателю Иуде ничего не исправляет. Решение было принято. Поступок совершен и будет жить в мире и вечности. Можно получить прощение, но нельзя изъять сделанного из сплетения жизни.

Так что же делать? Как вести себя? Не бояться! — отвечает Булгаков. Не бояться никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах. Коровьев говорит Маргарите: «И вообще, я позволю себе смелость посоветовать вам, Маргарита Николаевна, никогда и ничего не бояться. Это неразумно. Бал будет пышный. Мы увидим лиц, объем власти которых в свое время был чрезвычайно велик. Но, право, как подумаешь о том, насколько микроскопически малы их возможности по сравнению с возможностями того, в чьей свите я имею честь состоять, становится смешно и даже, я бы сказал, грустно...» (стр. 320).

Нечистая сила играет самыми страшными следователями известного «учреждения» как куклами. Как ничтожны их возможности по сравнению с теми, в чьей свите Коровьев «имеет честь состоять». Но... как ничтожны возможности самой этой дьявольской силы перед Тем, в руках Кого все. И они должны, в конце концов, делать то, что хочет Он. Они не могут повредить Маргарите, несмотря на ее временный союз с ними, т. к. ею руководит любовь и даже на самом бале Сатаны не покидает глубокое и бескорыстное милосердие (эпизод с Фридой). Они должны отпустить мастера и Маргариту на покой, когда Левый передает им желание Христа. Они имеют власть только над теми, кто своей внутренней испорченностью сам дал им над собою власть. Не случаен эпитаф из «Фауста»: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Если этой силе, перед которой столь мизерны все земные власти, поставлены такие узкие границы, то чего же бояться? Итак, не бойтесь, будьте самими собой, идите своим путем и слушайте своей совести. И много, много того, что страшит, падет само собой. Мастер уже дошел до этого состояния: «Я ничего не боюсь, Марго, — вдруг ответил ей мастер и поднял голову и показался ей таким, каким был, когда сочинял то, чего никогда не видел, но о чем наверно знал, что оно было, — и не боюсь, потому что я уже все испытал. Меня слишком пугали и ничем более напугать не могут.» (стр. 460). Вспомним «В круге первом» Солженицына: человек, потерявший все, снова становится свободным: его больше ничем нельзя напугать. «Не бойтесь!» Великие слова и великий совет в Москве конца 30-х годов. В этой страшной Москве. Но... и сама эта Москва исчезнет. Воланд знает это: «Сейчас придет гроза, последняя гроза, она завершит все, что еще должно быть завершено... Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через все небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим в ее мгле.» (стр. 456).

В очистительной грозе исчезнет не Москва русских столетий, но та Москва, в которой действовал Воланд с его свитой, та страшная Москва людей-дьяволов и их «учреждений». Она исчезнет... Путь еще далек, но в конце его мягкий свет... «Так что не бойтесь, не бойтесь ничего» — доносится до нас голос творения, воскресшего так много лет спустя после смерти его автора. Оно не случайно воскресло.

Владимир Дедиер (Dedijer): „Iz gubljenе bitke I. V. Stalina. 1948—1953“ (Битва, проигранная Сталиным), издательство „Prosveta“, Beograd 1969, 381 стр.

Автор посвящает свою книгу чешскому студенту Яну Палаху, протестовавшему против вторжения войск Варшавского Договора и подвергнутому себя самоожжению на площади Вацлава в Праге. В этом, исключительно интересно написанном труде, автор подробно описывает взаимоотношения Советского Союза и Югославии. Он говорит о том, что Сталин не только намеревался обратиться Югославию в колонию Свветского Союза, но был разработан план включения государств Восточной Европы в состав Советского Союза. Сначала должны были быть образованы три федерации: Югославии с Болгарией, Румынии с Венгрией и Чехословакии с Польшей. Затем эти федерации должны были бы просить правительство СССР о принятии их в «семью братских народов».

Целая глава посвящена борьбе югославской контрразведки с подпольной деятельностью КГБ. Интересны разоблачения деятельности Анны Паукер, занимавшей в то время пост министра иностранных дел Румынии, передававшей инструкции КГБ верному сталинисту югославскому генералу Арсо Иовановичу, впоследствии погибшему в 1948 г. при попытке бегства в Румынию.

В книге много стенографически точных передач бесед автора с Тито. Интересно высказывание Тито по вопросу о сельском хозяйстве:

«Мы допустили большую ошибку, — сказал он, — подражая Советам, после того как они в течение двадцати лет не смогли привести в порядок свои колхозы. Мы не должны были следовать за ними, и чем скорее мы свернем на свою дорогу, тем лучше будет для нас».

Хорошо зная советскую тактику захвата власти, Тито, считаясь с возможностью быть «ликвидированным», уклонился от участия в конгрессе Коминформа в июне 48 года. Но главным обстоятельством, давшим Тито возможность выиграть эту «битву» со Сталиным, была готовность югославского народа бороться за свою самостоятельность.



Архимандрит Константин. Лекции по истории русской словесности, читанные в св. Троицкой семинарии. Ч. 1, 8°, 144 стр.; Ч. 2 — 175 стр. Издание св. Троицкого монастыря в Джорданвилле (С.Ш.А.), 1968 г.

Первая часть охватывает допетровский период, вторая часть, примыкая непосредственно к первой, заканчивается на творчестве Жуковского (нужно думать, что должна выйти в свет и 3-я часть).

Это — не научное исследование, а собрание популярных чтений, рассчитанных на читателя, имеющего подготовку средних классов гимназии. Написана книга живым языком и читается легко, с интересом; она знакомит читателя в самых общих чертах с историей русской словесности и с идейными направлениями, оказавшими влияние на тех или иных писателей. При этом автор стоит на строго церковной точке зрения и вводит в круг своего внимания и некоторых писателей духовного чина. Однако, отсутствие ссылок на источники и отсутствие списка литературы по затрагиваемым в книге вопросам, не дает возможности читателю самому расширить те сведения, которые он получает при чтении этой книги. Очень было бы желательным, в случае если последует третья часть этих лекций, чтобы была приведена библиография, хотя бы самая основная, — что, без сомнения, увеличит и интерес, и полезность издания.

А. Ж.



РУССКИЕ СКАУТЫ (1909—1969). Выпуск 1-й. Издание Национальной Организации Русских Скаутов, под редакцией скаутмастера М. А. Вязьмитинова. Сан-Франциско (Калифорния), 1969. 8°, 503 стр., со многими иллюстрациями. Цена не указана. Заказы направлять по адресу: P. O. Box 3656, San Francisco, California, 94119, U.S.A.

К 60-летию юбилею основания в России скаутского движения выпущен центральный руководителем Национальной организации русских скаутов (НОРС) обширный сборник. Судя по тому, что он озаглавлен как первый выпуск, нужно думать, что последуют еще и другие выпуски.

Содержание первого выпуска распадается на четыре отдела: 1) История русского скаутского движения; 2) Рассказы и очерки из жизни русских скаутов; 3) Беседы и приказы Ставшего Русского Скаута (Олега Ивановича Пантюхова, автора недавно рецензированной в «Зарубежье» книги «О днях былых») и 4) Песни и стихотворения русских скаутов. Открывается первый отдел личными воспоминаниями о возникновении скаутского движения, самого основателя этого движения, О. И. Пантюхова. Воспоминания эти представляют огромный интерес для историка русских общественных движений в России незадолго до революции, а также и для историка этих движений в эмиграции.

Чрезвычайно ценны данные о жизни скаутских объединений в разных городах России (особенно подробно описаны скаутские организации на Дальнем Востоке), а затем — в разных странах русского зарубежья. Большая часть этих сообщений основана или на документальном материале

или же на свидетельствах непосредственных участников этих организаций, из которых многие находятся в живых. Масса фотографий оживляют повествование. Правда, не все эти фотографии безупречны: время наложило на них свою печать, но это нисколько не снижает их ценности. Вообще, нужно удивляться, что у некоторых сохранились еще фотографии, сделанные в 1909 году, и притом сохранились настолько хорошо, что можно было сделать с них типографские клише. Заслуживают большого внимания беседы и приказы О. И. Пантюхова, в которых ясно отражается идеология и этика русского скаутизма. Лирическим дополнением к этому отделу является 4-й отдел, в котором собраны песни и стихотворения русских скаутов. В общем — очень интересная и прекрасно изданная книга, ценный вклад в историю русской духовной культуры.

И. Г.



Kirill von Turov. Zwei Erzählungen. (Кирилл Туровский: Два повествования). Slavische Propyläen. Eidos Verlag, München. Band 5. 1964. 16°, 9 + 35 стр. Репринт (переиздание офсетным способом) части (стр. 117—152) издания К. Калайдовича: «Памятники русской словесности 12 века», с предисловием на немецком языке проф. Д. Чижевского и со списком касающейся Кирилла Туровского литературы, преимущественно на русском языке.

В данном издании приведены следующие писания замечательного проповедника и писателя 12-го века, Кирилла епископа Туровского: 1) Повесть к Василью игумену Печерскому и 2) Притчи. В предисловии отмечает проф. Чижевский связь первого повествования с известной христианской переработкой предания о Будде (сказание о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском); относительно же второго повествования он указывает на несомненные знания Кириллом греческого языка, что свидетельствует о его высокой образованности, а также усматривает возможную церковно-политическую тенденцию в этом повествовании. По мнению автора предисловия, эти отрывки являются мало что не единственными текстами, по которым (не принимая во внимание летописи), можно судить о стиле русской прозы в 12-м веке.

В. С.

В конце 1917 г. полковник Михаил Гордеевич Дроздовский вышел со своим отрядом в поход из Румынии на Дон. Впоследствии этот отряд развернулся в рядах Добровольческой армии в Дроздовские части, составившие вместе с Корниловцами и Марковцами ядро вооруженных сил Юга России. Несмотря на то, что с тех пор прошло более 50 лет, до сих пор в За-

рубежье не издана история Дроздовцев. Старый дроздонец, капитан Владимир Михайлович Кравченко, заполнил этот пробел, закончив на этих днях «Историю Дроздовцев». Сборник состоит из следующих частей: От автора, Введение, Формирование отряда и поход Яссы — Дон, Второй Кубанский поход, В рядах Вооруженных Сил Юга России, Крымская эпопея, Галлиполи и Заклучение. В сборнике 563 страницы, написанные на пишущей машинке. В нем описаны события почти за каждый день трех лет борьбы на Юге России. Много фотографий и схем. Автор Сборника обращается к соратникам и русским людям, любящим свою Родину и чтущим светлую память героев Белого Движения, с покорнейшей просьбой помочь собрать необходимую сумму для издания Сборника, а также составить список желающих приобрести книгу. О результате сбора пожертвований на нужды издания, о числе подписчиков, автор просит сообщить по адресу:

W. Krawtschenko, 8 München 55, Fürstenniederstr. 268 A, West Germany.

Всего необходимо собрать около 5 000 долларов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Этим письмом я хочу обратиться к некоторым из моих друзей, с которыми у меня есть или может быть сотрудничество в тех областях жизни, на которые я, по преимуществу, отдаю мои душевные силы. Хотите ли Вы, чтобы я, время от времени, делился с Вами происходящим у нас на Родине в области ее духовного возрождения, о чем мне самому удастся узнать?

Если да, то давайте назовем нашу переписку «Чувство локтя», т. е. ощущением, что мы стоим рядом, стоим в строю одного служения. Да, я именно предлагаю переписку, а не одностороннюю информацию — от меня к Вам.

Скажу откровенно, что я устаю от того, что делаю и взялся еще за что-то новое мне не так легко. Но если я буду иметь уверенность, что Вы действительно хотите получать и будете читать то, что я буду посылать, то я сделаю это с радостью.

Предлагаю условиться так:

1. По получении моего письма Вы отвечаете мне в приложенном для этого конверте. Под ответом совершенно не обязательно должно подразумеваться письмо, это с таким же успехом может быть газетная вырезка о чем-то важном для нас, или просто два слова: «Получил, спасибо», или без всяких слов несколько использованных почтовых марок (которые также есть способ обратить на дело) — словом знак «чувства локтя»: полу-

ченное прочтено, а не брошено в корзину.

2. Каждый из нас подписывается на Вестник Р.С.Х.Д., как самое серьезное периодическое издание, служащее духовному возрождению нашей Родины. Годовая подписка — 4 доллара. Прошу мне их прислать в первом Вашем ответе, а я переведу деньги в Париж.

Итак, благословясь, начнем нашу переписку «Чувство локтя».

Тех, кто не ответит, позвольте считать незаинтересованными в сделанном предложении.

Остаюсь Ваш
(Прот. Александр Киселев)

Примечание: письма посылать по адресу:

Rev. A. Kisseleff, St. Seraphim's Church,
322 West 108th Street, New York, N. Y.
10025, U.S.A.

Отрывок из письма, полученного протоиереем Александром Киселевым (США) из Советского Союза:

«... Сейчас всякое слово, доходящее сюда из русского зарубежья, сохранившего и приумножившего достоинства русской культуры и религиозной мысли, для нас особенно драгоценно: в России начинается пробуждение от глухой и кошмарной полувекковой спячки. Сегодня снова перед русским сознанием, уставшим от идолопоклонства, встают вечные проблемы жизни: Бога, добра и зла, смерти, устройства справедливого общества и т. д., то есть, встает проблема нового сознания, которое должно быть христианским не только отчасти или в какой-либо своей сфере, но христианским в своей цельности».

Братство «Православное Дело» в Брюсселе ответило открытым письмом в редакцию газеты «Известия» на статью «Не одними молитвами», помещенную в номере от 5 сентября 1969 года этой газеты. Мы приводим текст этого письма:

«В редакцию газеты «Известия», внимание Ю. Дмитриева, Н. Красникова и П. Курочкина, Москва, Пушкинская пл., 5.

Напечатанная в вашей газете от 5-го сент. 1969 г. и подписанная вами статья «Не одними молитвами» является очередным усилием очернить ту часть Русской Православной Церкви, которая провиденциально оказалась за границей — вне досягаемости атеистического руководства, а также — и братство «Православное Дело».

Мы, члены названного братства, действительно пересылаем всеми доступными нам способами религиозно-философскую (апологетическую) литературу на нашу Родину. В частности, действительно, иногда посылаем такую литературу даже по почте — по адресам разных учреждений и част-

ных лиц. Ни в одном правовом государстве распространение религиозной литературы не считается предосудительным и только вот теперь, на нашей Родине, приравнивается к преступлению.

Из свидетельства советских же людей, с которыми нам здесь приходится встречаться, мы знаем, что в СССР достать религиозно-философскую литературу невозможно. Крайне трудно даже найти Евангелие или Молитвослов. Наоборот, литература атеистическая издается многомиллионными тиражами, финансируется из государственного фонда и продается по очень низкой цене (неудобно раздавать даром). Верующие, даже на свои средства, не могут издать простого, краткого Молитвослова или церковного календаря. Это вы знаете лучше нас.

Как на практике осуществляется свобода совести, вы тоже знаете: ст. 124 Конституции (сталинской) обеспечивает свободу атеистической пропаганды, а верующим «дает» право «отбытия культа» да и то только в стенах оставшихся еще храмов. Религиозная проповедь вне стен храмов — запрещается.

Власть силой внедряет в сознание людей ложь, содержащуюся в т. наз. «научном атеизме», калечит души подрастающих поколений, возводит хулу на Духа Святого.

Не позволяя в печати отвечать отвергающим это учение, она, тем самым, сама же обнаруживает свою слабость и неправду. Таковы видимо «нормы» ленинизма-сталинизма, которым вам предписано следовать.

Обладая абсолютной властью над огромной страной, располагая неограниченными материальными возможностями, атеистическое руководство в то же время боится свободного слова небольшой части неимущих, но свободных и верующих соотечественников, волею судьбы оказавшихся вне его досягаемости. Оно не может и боится в вашей печати поместить дословно, не искажая, наши обращения. Оно не позволит вам поместить даже вот это наше, коротенькое письмо, в ответ на вашу статью.

Вы берете иногда одну-две фразы из общего текста, притом и их искажаете. Вы умышленно исказили в вашей статье и наш адрес.

Но «Дух дышит, где хочет», и атеистическая власть не распространяется на души и мысли людей, которые ищут и находят не атеистическую, а настоящую Божественную Правду.

Свидетельству этой Правды, мы, члены братства «Православное Дело» за рубежом и на Родине и отдаем наши силы.

Верим, что Господь нам в этом поможет.

Члены братства «Православное Дело» за рубежом.

Париж-Брюссель, сентябрь 1963 г.

Манифест Комитета Освобождения Народов России

14 ноября 1944 г., 25 лет тому назад, в Праге чешской был торжественно оглашен «Манифест Комитета Освобождения Народов России». Этот документ принадлежит истории, но истории недавней, не потерявшей еще своей, хотя уже и исторической, актуальности и, может быть, даже и злободневности.

Поэтому мы предлагаем ниже вниманию наших читателей полный текст этого документа.

Соотечественники! Братья и сестры! В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, воввалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливал кровью чужие земли. Теперь очевидным становится

истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевицкой тирании.

В революции 1917 года народы, населяющие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввела его в постоянную нужду, бесправие и самую бесовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе согласно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство

и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилем, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, свергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевицкой системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевицкой системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на нацио-

нальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, больше, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевицких вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и жаждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевицких сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войн. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевицких узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
генерал-лейтенант А. Власов

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: генерал-лейтенант Ф. Абрамов; общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; профессор Г. Ануфриев; генерал-лейтенант Е. Балабин; общественный деятель Шамба Балинов; профессор Ф. Богатырчук; артист С. Болховской; полковник В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джалалов; генерал-лейтенант Г. Жиленков; генерал-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; общественный деятель Ю. Жеребков; полковник Буныченко; полковник М. Меандров; доцент А. Зайцев; профессор А. Карпинский; профессор Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; генерал-майор В. Мальшкин; фельдфебель И. Мамедов; профессор И. Москвитинов; литератор Ю. Музыченко; рабочий Н. Подлазкин; профессор С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензорев; генерал-майор Ф. Трухин; профессор А. Цагол; крестьянин Х. Цымбал; капитан И. Чачух; врач Ибрагим Чулик; общественный деятель Ф. Шлиппе; Ф. Янушевская; проф. Н. Иванов; проф. Н. Будзилович.

КАНДИДАТЫ: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Лумин; общественный деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; профессор Л. Смирнов; профессор В. Стальмаков; профессор В. Татариков; солдат А. Щеглов; майор И. Тельников.

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов КОНРа не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности).

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● В прицерковном зале св.-Петропавловского собора в Сиднее (Австралия) состоялся концерт в пользу русских обитателей на Святой Земле. Перед концертной программой Г. П. Ларин сделал краткий доклад о русских монастырях и храмах, управляемых Русской Духовной Миссией, основанной еще в 1858 году. В данное время в ведении Миссии находятся 30 участков, расположенных на Елеонской горе, в Хевроне, в Гефсимании, в Вифлееме, в Тивериаде, в Иерихоне и в Яффе. Свято-Троицкий собор, Нагорный монастырь и Петропавловская церковь были в 1948 году переданы правительством Израиля в собственность Московского Патриарха. В концертной программе приняли участие как известные русские артисты, так и молодежь: Наталия Колесникова продекларировала стихотворение Надсона «Христос молился» и Лермонтова «Молитва», Георгий Логунов продекларировал несколько стихотворений Михаила Надеждина. Пианистка Л. М. Морозова исполнила «Ноктюрн» и «Юмореску» Рахманинова, певицы В. А. Бржозовская и В. Т. Швалова исполнили «Уж вечер» и «Это недавно так было», В. А. Бржозовская исполнила соло «Аве Мария» Шуберта, «Звезда Северная» Глинки и «Кольбельная» Гречанинова. Оперный артист И. В. Корнилов выступил с художественной декламацией «Король и шут» Мазуркевича, поэт П. А. Сухотин продекларировал свои произведения — поэму «Афон» и стихотворение «Борода»; поэтесса Е. П. Гринева продекларировала свои стихи «Неугасимая лампада» и «Русское Спасибо»; певец В. Старновский исполнил арию Ивана Сусанина из оперы «Жизнь за Царя», «Песнь варажского гостя» из оперы «Садко» и «Гори, гори, моя звезда»; певец Джордж Вайнеберг исполнил «Отче наш», арию Германа из оперы «Пиковая дама» и арию Каварадосси из оперы «Тоска», артист Н. П. Смирнов продекларировал «Вечер» кн. П. Вяземского и «Земля Библейская» П. Юшкина. Чистый доход составил сумму в 369,45 долларов.

● 5 декабря, в Париже, в Амфитеатре Института Искусства и Археологии, состоялся концерт, посвященный русской вокальной — светской и церковной, музыке. В первом отделении выступала г-жа В. Кузьмичева, исполнившая произведения Бородина, Мусоргского, Стравинского и др. Во втором отделении, хор им. П. Чайковского, под управлением Галины Григорьевой, исполнил несколько церковных песнопений Архангельского, Бортнянского, Макарова и др.

● 10 декабря, в Париже, в церкви St. Honoré d'Euлаи, состоялся духовный концерт известного русского хора молодежи (около 50 человек) под управлением Е. И. Евеца. В программе были произведения Кастальского, Чеснокова, Гарднера, Панченко, Дегтярева, Соломина, Смоленского, Бортнянского и Никольского. Перед концертом о. А. Нелидов дал на французском языке общий обзор истории русского церковного пения.

● Известный дирижер и композитор Леопольд Стоковский, несмотря на свои 87 лет, продолжает дирижировать Новым Американским Симфоническим оркестром в Нью-Йорке. Благодаря неустанным труду и таланту maestro, этот оркестр овладел так называемым «звучанием Стоковского». Это качество и способность, которых Стоковский добивается путем упорной работы с каждым отдельным членом оркестра, а порой и совершенно неожиданными мерами, как, скажем, перестановкой отдельных инструментальных групп или даже отдельных инструментов в оркестре. Когда maestro в 1912 году принял дирижерство Филадельфийским симфоническим оркестром, только три музыканта отвечали его требованиям. Стоковский дирижировал этим оркестром до 1938 года и был тем, кто способствовал его мировой славе. Из работ maestro последних лет необходимо отметить фильм «Фантазия», над которым он работал совместно с Уолтом Дисней. В фильме особенно ярко выражена гармония красок и музыки. Maestro собирается в большое турне по Европе. Еще в течение этого сезона он посетит Лондон, где будет руководить записью патефонных пластинок; затем Париж, где maestro будет дирижировать знаменитым оркестром «Пари», и Саарбрюкен, где предусмотрено выступление по немецкому телевидению; затем Женева, Австрию и Италию.

● Хор «Покров» выступил 7.11.69 г. в Аньвер вблизи Парижа с большим духовным концертом в пользу русских монастырей в Святой Земле. Хор в составе 22 человек пел под руководством регента Людмилы Александровны Рапопорт. Перед началом концерта Николай Петрович Спасский сделал краткий доклад о происхождении и развитии православного церковного пения.

● Вышли три долгоиграющие пластинки певца (бас-баритон) Михаила Минского. Первая пластинка содержит русские солдатские и народные песни, вторая и третья — украинские. Песни идут под аккомпанемент оркестра «Домра».

● Руководство торжественным Рождественским концертом «УНИСЕФ» (благотворительной организации ООН) в Париже в Theatre de France 26. 12. 69 года было поручено известному русскому режиссеру Петру Устинову. Благодаря исключительной программе и блестящему исполнению, концерт имел большой успех. Он транслировался по «Eurovision».

● Стараниями В. М. Диаковского в Мельбурне (Австралия) организовался балалаечный оркестр «Калинка». Первый концерт состоялся 27 июля 1969 г. С тех пор число музыкантов-участников оркестра возросло с 30 до 50. Вся работа по оркестровке проводится В. М. Диаковским.

● Русский Драматический Ансамбль имени В. И. Томского в Сиднее открыл сезон 1969/70 года постановкой драмы В. Трахтенберга «Ведьма». Спектаклем руководил режиссер А. Демидов.

● Сергей Лифарь выступил 21.11.69 г. на конференции «Человек и Танец» в зале Гаво в Париже. Свой доклад Сергей Лифарь начал описанием инстинктивного танца — моторного движения первобытного человека. Остановившись на упадке балета на Западе во второй половине XIX века, докладчик перешел к императорскому балету в России и всемирному успеху балетов Сергея Дягилева. В настоящее время Сергей Лифарь видит опасность в т. наз. модернистских тенденциях, стремящихся ввести в балет новый стиль порнографии.

● В воскресенье 26 октября 1969 года театральной группой «Русского Студенческого Христианского Движения» была поставлена пьеса Островского «Лес». Спектакль состоялся в «Salle des Fêtes» в Париже.

● Документальный фильм, посвященный памяти императора Николая II, начинается фильмом, снятым по случаю свадьбы императора с принцессой Алисой Гессенской в 1894 году.

● Русский православный календарь на 1970 г., составленный и изданный А. А. Соллогубом, посвящен 50-летию великой скорби Российской. Цена 2.50 доллара. Заказы направлять по адресу: «The Banner of Russia», 3544 Broadway, New York, N. Y. 10031, U.S.A.

● Православный Русский Календарь на 1970 год вышел в Париже под редакцией протоиерея Ал. Чекана. Календарь в 98 страниц содержит имена святых, празднуемых во все дни года, справки о двенадцатых и великих праздниках, постах и т. п.

● Правление «Общества Ревнителей Русской Военной Старшины» постановило выпустить памятную медаль по случаю двухсотлетия основания ордена святого Георгия. Образцом служит медаль, выпущенная в 1769 году. На лицевой стороне медали, диаметром в 59 мм, помещены поясное изображение влево Учредительницы со звездой на груди и лентой Ордена и надпись — «Императрица Екатерина Великая», а на обратной — наложенное на лучи изображение орденовой звезды, обрамленное лентой с бантом и крестом Св. Георгия, надпись «За службу и храбрость» и юбилейные годы. За справками по поводу заказов обращаться к А. В. Щиткову:

15, rue Medea, Paris 14.

или к А. Ф. Долгополову:

A. Doll, 31676 Javel Ave. South Laguna, Cal. 92677, U.S.A.

● В Бразилии ежегодно празднуется «День матери». В этот день во многих городах проводятся выборы «Бразильской матери». В этом году в городе Бело Оризоно, главном городе штата Минас Жераис этот почетный титул был присужден русской — Елене Владимировне Антоновой. Елена Владимировна родилась в Петербурге 77 лет тому назад. В 1929 году она прибыла в Бразилию, где она в 1932 году вместе с другими идеалистами основала «Общество Песталоцци». Свою жизнь она посвятила главным образом работе с недоразвитыми детьми. Она участвовала в постройке специальной школы и интерната в «Фазенда до Розарио», которые были открыты в декабре 1939 года. Сегодня там живет и учится около тысячи учеников. В 1945 г. донна Елена, как в Бразилии называют Елену Владимировну, участвовала в основании «Общества Песталоцци».

ци» в Рио-де-Жанейро. С 1962 г. Елена Владимировна живет безвыездно в «Фазенде до Розарио».

● Столетие Новочеркасского Атаманского Военного училища отметили 23-го ноября в помещении музея лейб-гвардии Казачьего Его Величества Полка в Париже бывшие питомцы. После молебна, старейший из присутствующих бывших юнкеров училища генерал Позднышев приветствовал собравшихся и предложил пропеть войсковый гимн:

«Сколькохнулся, взволновался
Православный Тихий Дон...»

С докладами выступили: хорунжий Евстратов — о празднике 7 и 8 ноября 1919 года, когда училище получило свое новое наименование: «Атаманское». Председатель Союза донских партизан есаул Подонкин отметил роль училища в Гражданской войне.

● На основании опубликованных статистических данных, в Канаде в данное время проживают 119.168 русских.

● Президент республики Парагвай, военный министр и представители генералитета посетили генерала русской императорской и Добровольческой армии Н. Ф. Эрн, чтобы принять участие в его чествовании по случаю 90-го дня рождения. Н. Ф. Эрн активно участвовал в рядах армии Парагвая в 1932—35 гг. в войне с Боливией.

● Русские организации города Филадельфия (США) подали ООН петицию, в которой указывается на нарушениях прав человека правительством СССР. Копии этой петиции посланы президенту США и некоторым членам Конгресса. В петиции указывается на преступление, совершенное по приказу Сталина над крымскими татарами 25 лет тому назад.

● Российский Имперский Союз-Орден отметил в сентябре с. г. в день св. Сергия Радонежского 40 лет своего существования. Союз выпускает двухнедельную газету «Русское Слово», начало издания журнала «Наш Журнал», готовится переиздание книг Л. Тихомирова «Монархическая Государственность» и Н. Соколова «Убийство Царской семьи». Адрес Союза:

N. Sachovsky, Cas. de Correo N 1, Suc. 30, Buenos Aires, Argentina.

● Председатель Донского Войскового Совета Н. А. Хохлачев и секретарь В. М. Ажогин сообщают, что выборы нового Зарубежного Атамана протекают нормально. Входящими в организацию станциями, хуторами, группами и отдельными казаками и казачками кандидатом в Атаманы выдвинут профессор Николай Васильевич Федоров.

● В ежемесячнике «Знамя России» — органе русской независимой монархической мысли, выходящем в Нью-Йорке под редакцией Н. Н. Чухнова, помещено воззвание жертвовать в казну великого князя. Чеки и мони-ордер надлежит посылать по адресу:

Fund of Grand Duke Vladimir, Inc. P. O. Box 586, Grand Central Station, New York, N. Y. — 10017, U.S.A.

● Комитет Русской Эмиграции в Бельгии выступил воззвание к русской общественности с просьбой жертвовать средства на издание «Белой Книги», по-

священной Ленину. Эта книга должна помочь среднему европейцу понять роль Ленина в истории русского народа.

● Выходцев из Советского Союза, живущих в свободном мире, согласно данным газеты «Голос Родины», выходящей в Москве, насчитывается 12 миллионов человек.

● В Казачьем доме, Фармингдейл, Нью-Джерси (США) состоялся торжественный доклад с панихидой, посвященной донскому казаку, великому землепроходцу и покорителю Сибири Василию Тимофеевичу Чигину, известному под прозвищем Ермак. Во второй части вечера были исполнены старинные казачьи песни, посвященные Ермаку.

● В зале Русского Центра в Сан-Франциско (США) состоялся концерт, посвященный Дню русской культуры. Г. К. Глин прочел доклад, посвященный теме «Санкт-Петербург». В концертной программе приняли участие: пианист В. М. Ульштейн, артист Н. П. Петлин, левица В. Лебедева и чтецы-декламаторы В. Дордонело и М. Клестова. В. И. Дмитриев был прекрасным конференсье. Члены Русско-Американской Ассоциации художников (АРАС) Е. Блиндер, Т. Егорова, М. Попова, проф. А. Лебедев и К. Мазаев выставили свои работы.

● На выпускном акте Русской школы при Вермонтском университете в Норсфилд (США), основанной в 1959 году профессором М. А. Полторацкой, была награждена докторским дипломом гонорис кауза профессор Е. А. Волконская, работающая в США на педагогическом поприще с 1924 года. Школой руководит профессор Первушин.

● 12 декабря в помещении Р.С.Х.Д. в Париже прот. Георгий Дробот сделал доклад о древней русской иконе. Доклад сопровождался световыми картинками.

● Профессор Владимир Николаевич Ильин начал с 17 ноября курс еженедельных публичных лекций на тему «Избранные главы из истории русской религиозной мысли». Начало лекций в 20 час. 15 минут в помещении на rue Пекле 26, Париж.

● 24. 10. 69 г. в зале Парижского социального музея состоялся вечер, посвященный памяти Леонида Андреева. Собрание было открыто Борисом Зайцевым, лично его знавшим. Лоран Терциев отметил «стихийность» Андреева в его пьесах. Георгий Адамович вспомнил в своем докладе о характеристике, данной Сергею Городецким в «Речи» «... В прередволюционной литературе Андреев занял первое место». Е. М. Замойская говорила о юности писателя, полной лишений, и о помощи, оказанной ему Горьким и Мережковским. Профессор Янкевич указал на необычайную глубину чувства жалости к человечеству в произведениях Андреева, в частности в его гениальном произведении «Рассказ о семи повешенных». С последним докладом выступил профессор Н. Е. Андреев, охарактеризовавший своего великого одноклассника как писателя ярко-интуитивного.

● Русское Студенческое Христианское Движение провело 22. 12. 69 года в зале Musée Social в Париже собрание, посвященное А. И. Солженищину. С докладами выступили: Н. А. Струве — «Слово об А. И. Солженищине», о. Александр

Шмеман, декан Богословской Академии в Нью-Йорке — «Размышления о творчестве А. И. Солженищина» и Г. П. Филиппенко — «Путь к свободе у А. И. Солженищина».

● Научные работники Сиракюзского медицинского колледжа Б. И. Лунин и А. Н. Устинович были, в связи с их выходом на пенсию, награждены почетными дипломами штата Нью-Йорк.

● Комитет «День Русского Ребенка» подготовил к выходу новый детско-юношеский журнал «Первые Шаги». К участию в журнале привлекаются юные авторы в возрасте до 20 лет, жители Австралии. Журнал будет выходить в Сиднее.

● Организация Русских патриотических разведчиков и прошлым летом провела свой летний лагерь в Каннах (Франция). Лагерем руководил настоятель Каннского храма о. Игорь Дулгов, старшина лагеря А. С. Скрябин и инструктор М. Григорович-Барский. В лагерь съехало 25 разведчиков (все моложе 15 лет) из Парижского округа и США. На площадке перед палатками были подняты русский и французский национальные флаги.

● Основная задача О-ва «Беседа к Познанию России», Нью-Йорк, воодушевившая его заняться тяжелым трудом приискания документальных снимков о России, есть стремление познакомить русскую и иностранную молодежь с историей, культурой и цивилизацией тысячелетней России.

Показательный материал, накопленный в тысячах снимков и иллюстраций, демонстрируется на выставках, в американских студенческих и школьных клубах, при Собраниях русского местного общества. Готовятся каталоги для школьных целей.

● Русский детский сад в Сан-Франциско (США) в конце этого года переедет в новое помещение в доме, приобретенном для этой цели «Русским Обществом» в Сан-Франциско.

● Общество помощи русским детям собрало за 1968 год деньгами и вещами свыше 69.000 долларов. Общество опекает 212 «крестников» и оказывает посильную помощь детям и учащейся молодежи. За прошлый год было выплачено пособий на общую сумму в 44.196 долларов.

● Литературный фонд отмечает 52-ю годовщину. За 1967/68 год было собрано пожертвований на общую сумму в 32.168,— долларов. По числу выданных пособий на первом месте Франция — 527, в США и Канаде — 220, в ФРГ — 93, в Аргентине — 58, в Югославии — 54, в Австрии — 37, в Бельгии — 16, в Израиле — 16, в Англии — 14, в Италии — 14, в Швейцарии — 13, в Бразилии — 12, в Чили — 2, в Парагвае — 1.

● Правление «Попечительства о нуждах Русской Православной Церкви за границей» усиленно занято сбором средств. Помимо необходимой постоянной поддержки обителей и церквей на Святой Земле необходимы средства на ремонт Храма-Памятника в Брюсселе, на содержание Храма во имя Святителя и Чудотворца Николая Мир Ликийских в Бари, на постройку церкви в городе Харфорд в Коннектикут и на содержание церкви в Бразилии. Кроме

того нужна помощь приходу нашей Зарубежной Церкви в Вене и на многие другие неотложные церковные нужды, как, например, на совершенно необходимую миссионерскую деятельность в Европе, помощь нашему духовенству и на работу с молодежью в приходах. Пожертвования просят направлять по адресу:

Fund for Assistance, 75 East 93rd Street, New York, N. Y. 10028, U. S. A.

● Основанное в 1968 году по инициативе архиепископа Антония Женевского «Молодежное Братство Палестинского Общества» совершило в 1969 году, несмотря на трудности военного положения, первое паломничество под руководством отца игумена Герасима. Паломничество продолжалось 1 месяц. Члены братства посетили Святые места и работали по указаниям Русской Миссии в Иерусалиме. В уставе Братства указаны следующие цели:

Служить Русской Православной Церкви, помогая поддержке христианских Святынь в Палестине, в частности русских:

1. Устройством паломничеств, привлечением к ним, а также распространением идеи паломничества и поддержки таковых вообще, в наиболее широком масштабе.

2. Изучение Палестины и ее Св. мест по Св. Писанию, по истории церкви и церковному преданию.

3. Посильной помощью на месте через сотрудничество с хранителями святынь, принадлежащих Русской Православной Церкви за рубежом.

4. Собираением средств для всех вышеизложенных целей общественным порядком (соборная, доклады, концерты, обращения и т. д.) или частным (подписки, членские взносы, обращения к частным жертвователям).

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

● В Инсбруке (Австрия) основан фонд имени св. Николая. Средства фонда используются на уход за могилами казаков, похороненных на кладбище «Прадль». Пожертвования просят направлять по адресу председательницы фонда:

Frau Ludmila von Klopmann, Kapuziner-gasse 40, Innsbruck, Österreich.

● В храме св. Покровского прихода в Лос-Анжелесе размещены 12 новых икон двенадцатых праздников. Иконы писаны о. игуменом Алипием в Свято-Троицком монастыре.

● 14 декабря после литургии в св. Александро-Невском соборе в Париже была отслужена панихида по всем православным воинам, павшим за Францию.

● В Иерусалиме, 7 ноября, после продолжительной болезни сердца и легких, скончалась, в возрасте 72 лет, Игуменья Мария (Робинсон), в течение 35 лет бывшая настоятельницей русской Гефсиманско-Вифанской обители (юрисдикции Русской Зарубежной Церкви). Покойная — англичанка, вместе со своей помощницей, м. Марфой (тоже англичанкой), принявшая православие в Иерусалиме. Матушка Мария основала в Вифании школу, в которой учатся сейчас 70 детей. Она пользовалась большой любовью и уважением среди христианского населения и среди арабов. В день кончины Игуменьи Марии, греческое духовенство Иерусалимской Патриархии, во главе с Наместником Патриарха Архиепископом Савастийским Германосом, Архиепископом Василием и тремя греческими архимандритами, была отслужена панихида. На отпевании, совершенном русским духовенством Миссии во главе с ее начальником, Архимандритом Димитрием, присутствовало множество народа: консула, иностранное духовенство и много арабов. К месту погребения в Гефсиманской обители гроб несли греческие священники.

● 9 ноября 1969 года в Париже скончался основатель и долголетний директор Института Истории Искусств в Петербурге, профессор граф Валентин Платонович Зубов. Институт, основанный в 1912 году, помещался в т. наз. Зубовском дворце на Исакиевской площади, где он находится и по сие время. При институте, насчитывающем сегодня несколько тысяч студентов, имеется обширная библиотека. После революции Валентин Платонович бесстрашно боролся за существование института и за сохранение памятников русского искусства, музеев и дворцов. В эмиграции он не оставлял своей работы в области истории русского искусства, читал лекции, участвовал в работе Русской Академической Группы, выступал в телевидении, написал ряд книг и сотрудничал в русской зарубежной прессе.

● 21 октября 1969 г. в Нью-Йорке скончалась княгиня Светлана Ричардовна Белосельская-Белозерская. Покойная происходила из состоятельной американской промышленной семьи. 26 лет тому назад она вышла замуж за известного русского общественного деятеля князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского. После второй мировой войны супруги помогли многим русским переехать в США. Став духовно русской, искренне верующей православной, покойная совместно со своим мужем вложила много труда и большие материальные средства в многочисленные русские благотворительные и культурные начинания, из которых назовем к примеру: приобретение земельного участка для постройки домов церкви и церковного дома русского прихода в Чикаго, сооружение иконостаса в чикагском Покровском Кафедральном соборе, создание и фактическое руководство благотворительной организацией «Русский Союз Помощи», ежегодная денежная помощь

Св. Сергиевской гимназии, Американско-Славянскому институту, монастырю «Ново-Дивеево», многочисленным русским школам в США и других странах, приобретение имени «Махопак» для обители «Новая Коренная Пустынь», приобретение земельного участка вблизи Чикаго для русской колонии и лагеря русской молодежи «Владимирово», покупка здания для «Дома Свободной России» в Нью-Йорке и шести зданий в Глен Коув для русского старческого дома, приобретение земельного участка в Фривуд Экрс для лагеря «Патриотической Организации Русских Разведчиков».

● 12.10.69 г. в Париже скончался известный русский художник Сергей Поляков. Покойный родился (1906) и вырос в Москве. После Октябрьской революции через Белград и Софию в 1924 году приехал в Париж. Учился в художественных академиях Парижа и Лондона. Знакомство с Кандинским не осталось без влияния и Поляков примыкает к «Эколь де Пари». Примерно с 1949 года он отдает себя абстрактной живописи и добивается европейской известности.

● 14 августа 1969 г. в Мюнхене (ФРГ) после тяжелой и продолжительной болезни скончался настоятель прихода св. Серафима Саровского священник Анатолий Древинг. Отец Анатолий родился в Москве 24 февраля 1910 г. После революции он проживал в Эстонии. Там он окончил русскую гимназию в Таллине и таллинскую консерваторию, а после химический факультет в Тарту.

В 1950 г. в Мюнхене он принял сан священника. С самого же начала своей церковной деятельности о. Анатолий посвящал много времени работе с молодежью. Долгое время при приходе существовало общежитие для учащейся молодежи; была организована приходская школа с преподаванием русского языка, истории и географии России и Закона Божия. Во время летних каникул о. Анатолий ежегодно устраивал летние колонии для русских детей. Для этой цели около городка Эберсберга недалеко от Мюнхена был построен небольшой дом. После кончины о. Анатолия начатое им дело продолжается.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 30/90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14